

18+

Таль Черепанов

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Таль Черепанов

Быть человеком

«Издательские решения»

Черепанов Т.

Быть человеком / Т. Черепанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-702098-5

Есть мнение, что человека человеком делает душа. А если у тебя их две? Это история о людях и нелюдях, в которой одни стремятся жить по-человечески, а другие же ведут себя как звери. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-702098-5

© Черепанов Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Похоронное настроение. 08.05, четверг. День первый	6
Глава 2. Обратной дороги нет	10
Глава 3. Сизая голубка. 09.05, пятница. День второй	13
Глава 4. Не хочется, а надо. 10.05, суббота. День третий	15
Глава 5. Дурной расклад. 11.05, воскресенье. День четвертый	18
Глава 6. С чего начать? 12.05, понедельник. День пятый	20
Глава 7. С черного входа. Вечер	23
Глава 8. Зверь. Ночь с 12 на 13 мая	26
Глава 9. Схема. 13.05, вторник. День шестой	30
Глава 10. Между выбором и проблемой	35
Глава 11. Отступать поздно	39
Глава 12. Просто не будет. Вечер того же дня	43
Глава 13. Первые шаги. 14.05, среда. День седьмой	46
Глава 14. О картах и мопедах. 15.05, четверг. День восьмой	49
Глава 15. И людям, и технике свойственно ломаться. 16.05, пятница.	52
День девятый	
Глава 16. У каждого своя работа. 17.05, суббота. День десятый	55
Глава 17. Чуйка. 18.05, воскресенье. День одиннадцатый	58
Глава 18. Слабое звено. 19.05, понедельник. День двенадцатый	61
Глава 19. Ликбез для Протаса	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Быть человеком

Таль Черепанов

© Таль Черепанов, 2026

ISBN 978-5-0070-2098-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Похоронное настроение.

08.05, четверг. День первый

Музыка сопровождала его с пеленок. Сначала это были бабушкины напевы, затем детские композиции на гибких грампластинках синего цвета. В начале девяностых винил уступил место аудиокассетам. Музыка всегда дарила ему массу положительных эмоций, а вчера она стала для него источником утешения.

Выйдя из похоронного бюро, Секач первым делом достал из кейса наушники. Хотел включить блютуз, но, как оказалось, он уже включен. В приложении открыл плейлист с рекомендациями и нажал воспроизведение. По барабанным перепонкам ударил тяжёлый риф группы «Гробовая доска».

Вот уж действительно «Плейлист твоего настроения», как отмечено в рекомендациях. Положил телефон в задний карман джинсов и пешком направился к дому — километр пути, может, чуть больше.

Когда в ушах заиграл трек «Ритуал» группы 101 Squad, Секач вдруг вспомнил:

«Копальщики. С копальщиками по карте не расплатиться. Нужны наличные».

Пришлось свернуть в сторону банка.

Матвей мягко ступал по светло-серой брусчатке аллеи, обсаженной со стороны проезжей части остролистным кленом, уже успевшим распустить листву. И, спустя пять минут, вышел на перекресток. Тот самый, на котором впервые увидел Марину. Секач остановился, ожидая, когда на светофоре загорится секция с зелёным человечком.

Налетел поток приятных воспоминаний. Матвей невольно улыбнулся, и на короткий миг горькие мысли отошли на второй план.

Впереди, не далее чем в двух метрах, спиной к нему на краю проезжей части остановились два типа. Ростом оба чуть выше среднего. Худощавые. На одном синие мокасины, зауженные джинсы антрацитового цвета, обвисшие на заднице, и тёмно-синий бомбер. Второй тип одет в черные треники и коричневое худи. На ногах белые кроссовки. Оба в темных бейсболках. Секач заметил на левом ухе типа в джинсах белый провод наушника. Тоже, судя по всему, меломан, как и он.

Чемей вытащил из кармана треников пачку Charman, достал сигарету, щёлкнул зажигалкой. Запахло шоколадом и табаком. Передал пачку Кузену. Приятель закуривать не торопился. Повертел пачку пальцами и цокнул языком.

— И чё, так постоянно? К чему весь этот геморрой? «Лавешки» есть, платить готовы. Зачем такие сложности?

Чемей пожал плечами.

— Да боится он. Страхуется. Вдруг купюры помечены. Типа, вдруг мы подставные. Чё неясно-то? Отнесись к этому с пониманием.

С пониманием, бля. Деньги есть. Остаётся лишь созвониться, встретиться, оплатить. Казалось бы, все просто. Но, нет. Вместо обычной оплаты их гоняют как шнырей от одного банкомата к другому с утра пораньше. Какое, к черту, понимание? Настроение ни в пизду.

— Ссука, ну ладно я. А ты-то сколько с ним знаком? Год? С чего такое недоверие? — произнес Кузен и оглянулся.

В двух метрах от них остановился какой-то невзрачный мужик в синих джинсах и фланелевой клетчатой рубашке навывпуск поверх черной футболки. Рукава закатаны, руки жилистые. Лицо, обрамленное короткой рыжеватой бородой, большей частью скрыто козырьком бейсболки. Кузен слегка мотнул головой назад, давая Чемею понять, что за спиной лишние уши.

Чемей кивнул.

Светофор разрешил идти, запустив отсчет. Парочка двинулась вперёд, Матвей следом за ними. Перешли дорогу и направились вверх по улице. Шагая по тротуару, типы о чем-то переговаривались, но Секач их не слышал — в его ушах качала песня «Волей-неволей» группы «ЕПКТ».

Пройдя метров двести, подошли к банку. Первый поселок — это, преимущественно, частный сектор с малоэтажной застройкой. И отделение банка, расположенное в небольшом одноэтажном здании, ничем не выделяется на фоне остальных общественных организаций.

Один из типов открыл дверь, пропуская товарища вперёд. Матвей вошёл в вестибюль следом. Выключил музыку, встал у банкомата, достал карту.

— Дружище. Дружище. Слышь, выручи, а? — донеслось до ушей Секача слева.

Матвей повернул голову и посмотрел на типа в худи: небритый, славянской внешности, судя по ужимкам, неоднократно судимый, возрастом от тридцати пяти до сорока лет. Стоит примерно в метре от него и держит в руках несколько купюр.

— Чем?

— Дочери надо деньги перевести. Давай, я тебе на карту положу, потом продиктую номер ее счета, а ты переведёшь.

— Нет, извини.

— Нет? Бля, братан, тебе чё, сложно? Я же не прошу у тебя деньги в долг. Вот, бабки есть, видишь? — словно в подтверждение своих слов он развернул деньги веером. — Просто переведи, одна минута делов.

Матвей ткнул пальцем в фойе банка.

- Зайди к ним. Они переведут, куда скажешь.
- Бля, да они не переводят за границу.
- А я перевожу?
- Слушай, тебе чё, влом помочь что ли, а?

Из отделения банка вышла пожилая пара. Пенсионеры с опаской покосились на троих мужчин, и тип в джинсах тут же подал голос:

- Не, ну что за люди, а! Помощи не допросишься!

«Артист, бля».

Матвей посмотрел на него. Эта парочка словно братья под стать друг другу. Один типаж. А может, и впрямь родственники. Ловко придумали, утырки. Оплачивают дилеру с левой карты. Тот скидывает адрес закладки. А ты потом объясняй в полиции, что никакие наркотики не покупал, а просто помог незнакомому человеку «дочери деньги перевести». Ни менты, ни судья, разумеется, не поверят.

Между тем пожилая пара покинула банк.

Тип выжидательно смотрел на Секача, но Секач ничего не собирался объяснять. Он просто забрал деньги, выданные банкоматом, и молча направился на выход.

— Да подожди ты, а, — требовательно произнес тот, который минуту назад лечил его историей про дочь.

И схватил Секача за руку.

Такое поведение выморозит любого. Моментально возникло острое желание всечъ наг-лецу по роже, но драться в помещении, где полно видеокамер, дурная затея. Только проблем с законом сейчас и не хватало. Секач медленно выдохнул, успокаивая сердцебиение, натянул козырек кепки пониже на глаза и оскалил клыки.

- Ссука, данунахуй... — вскрикнул тип и в ужасе отпрыгнул к стене.

Матвей ухмыльнулся и вышел из банка.

Кузен смотрит на Чемея и пытается понять, что произошло.

- Это, ссука, чё такое было, а? Ты чё, перегрелся?

Чемей по-прежнему жметя к стене, держась за сердце, и шумно дышит. Вот же хрень, а! Нет, ну... что это было?

— Ты видел, а? Видел? — спросил он Кузена, опасливо косясь через витрину на удаляющуюся спину незнакомца.

— Что я должен был увидеть? Как ты подпрыгнул, словно ужаленный? Да, видел. Ты чё, бля, привидение увидел?

Вообще-то Чемей — парень духовитый, и Кузен откровенно не понимал, что с корешом стряслось.

— Да причем тут... Бля, у него, клыки, ссука... волчьи.

— Ты, бля, гонишь что ли, а? Какие, нахуй, волчьи клыки, чё ты несёшь, братан?

— Ссука, да я отвечаю, — божился Чемей. — Отвечаю, блять!

Кузен покачал головой. Ебанутый. Надо было самому фаловать.

— Дай-ка «лаванду», дебил, а то мы так до второго пришествия оплату не переведем. — Кузен протянул руку, Чемей передал ему деньги. — Сам попробую приболтать кого-нибудь.

Глава 2. Обратной дороги нет

Обратная дорога много времени не заняла. Подходя к бабушкиному дому, Матвей позвонил жене.

— Как ты, милый?

— Да так себе. Почти все дела утряс, осталось найти кого-нибудь, кто у гроба ночь пересидит.

— Жаль, что ничем не могу тебе помочь.

— Я справлюсь, Мариш. Чем там мои волчата занимаются?

Матвей нутром почуял, как жена прямо сейчас с улыбкой на устах закатывает глаза, и тоже улыбнулся.

— Спят, сосут грудь, потом опять спят. Чем ещё могут заниматься младенцы, милый?

Спать и сосать грудь — идеальное времяпрепровождение. Секач усмехнулся. Возле распахнутых настежь ворот своего двора он сказал жене, как скучает по ней, и отключился.

Чемей и Кузен вошли в дом. Разулись. Чемей бросил ключи на тумбочку.

— Звони, — сказал Кузен и отправился к плите ставить чайник.

Чемей прошел в зал и плюхнулся на диван. Снял кепку, потер лицо ладонями и достал телефон. Нашел номер и нажал кнопку вызова.

— Да, — послышалось в трубке.

— Все ништяк, деньги перевели.

— Перезвоню, — тип на другом конце провода отключился.

Для перевода денег Кузену удалось уболтать какую-то дамочку средних лет. Стоит признать, он был чертовски убедительным. Женщина внимательно выслушала Кузена, пересчитала деньги и согласилась помочь. Откровенно говоря, ей ничего не угрожает. Если мусора спалят схему и начнут отслеживать транзакции, они легко поверят в рассказ этой тетки. Чего не скажешь о мужике, с которым закусились у банкомата. У того точно начались бы проблемы. При условии, если мусора чухнут, конечно.

Чемей ещё раз мысленно прокрутил в голове инцидент у банкомата. Кузен уверен, что клыки — обыкновенная капа. Нечто подобное он видел у некоторых бойцов смешанных единоборств и боксеров. Вполне возможно. Но, ссука, переканил Чемей знатно. Даже как-то неудобно перед товарищем.

Кузен вошёл в зал и поставил на стол две кружки.

— Купеческого заварил, — произнес товарищ, и тут же раздался телефонный звонок.

— Говори, — ответил Чемей.

— Деньги пришли. Ближе к вечеру позвоню, сообщу время.

Чемей вытянул ноги и с довольным видом потянулся за кружкой. Ништяк! Теперь осталось снять хату на сутки и дожидаться вечера.

В дом Матвей заходить не стал. Сел на ступеньку крыльца, перевернул кепку козырьком назад и уставился в одну точку на заборе. Не прошло и минуты, как сзади послышались шаги. Секач обернулся.

Софья Дмитриевна.

Теща присела на крыльцо рядом и погладила зятя по плечу.

— Спасибо, мама, что согласились посидеть с бабушкой! — произнес Секач.

— Не благодари, Матвей. Разве я могла отказать.

— Могу я вас попросить побыть здесь ещё около часа, пока обойду соседей?

— Будем здесь столько, сколько понадобится. Не переживай об этом.

Матвей благодарно кивнул.

— Юрий Дмитрич в доме?

— Да. Изучает твою библиотеку.

Секач улыбнулся. По правде сказать, библиотеку собирала бабушка. В молодости она любила читать и часто читала вслух внуку.

Немного поговорив с тещей, Матвей отправился дальше по делам. Ему хватило часа, чтобы нанять пару пенсионерок, готовых провести ночь у гроба. От чувства выполненного долга на душе легче не стало. Он осиротел. Сроду бы не подумал, что в свои сорок пять ему доведется почувствовать себя сиротой. Шли вторые сутки, как бабушки не стало, а он до сих пор не может свыкнуться с мыслью, что ее больше нет.

В дом по-прежнему не хотелось идти. Вернувшись во двор, Матвей направился к сараю. Бизнес-идея, которую он вместе с Крышей вынашивал, оказалась несостоятельной. Оборудование резко подскочило в цене. Тут, видимо, сыграл злую шутку хороший спрос. Кроме того, чем больше Секач изучал различные аспекты производства, тем сложнее ему казалось все это реализовать на практике. Он было отчаялся, но тут в интернете наткнулся на ролик, в котором мужик притащил с мусорки какой-то стол, подшаманил его, выложил фото с результатом на онлайн-барахолке и довольно быстро продал.

Идея показалась Секачу здоровой. Объект для реставрации тоже не пришлось долго искать — в его сарае стоял венский стул. Так называла его бабушка. Матвей погуглил и узнал, что предмет сделан из бука. Вполне добротное изделие, но сиденье сломано и ножки со спинкой обшарпаны. Избавился от испорченной сидухи, снял шлейф-машинкой старое лаковое покрытие, доработал зачистку шкуркой вручную в труднодоступных местах. Нанес первичный слой лакового покрытия, поверх которого после высыхания прошелся глянцевым яхтным

лаком. С помощью лобзика вырезал из фанеры новую форму под сидушку и приклеил к ней слой поролона. В качестве обивки выбрал ткань с ярким цветочным принтом.

Сфотографировал изделие, выставил на сайт. К немалому удивлению Матвея покупатель нашелся уже через день. Секач продал стул и позвонил Крыше:

— Братан. У меня идея!

Так сарай превратился в столярную мастерскую.

Секач открыл дверь и нажал на выключатель у входа. Под тихий гул и легкое потрескивание люминесцентные лампы осветили небольшое помещение площадью всего лишь двадцать два квадратных метра. Рядом с выключателем Матвей поставил два автомата — один на розетки, второй на освещение. Ну, как поставил... нанял электрика. Здесь же у входа стоит строгальный станок. Под ним тумбочка для различных приспособлений. Чуть дальше небольшой стол с тисками, над которым висят струбины. Слева в дальнем углу Секач разместил стеллаж, на котором теперь хранится все, что относится к малярным работам: лаки, масла, растворители, шпаклёвки, герметики, клей, эпоксидная смола. Крыша называет этот угол углом токсикомана. Вдоль стены напротив входа верстак на всю длину мастерской. На нем сверлильный и заточный станки, а также торцевая пила с протяжкой. Над верстаком висит полочка под сверла и фрезы, а под ним коробки с наждачной бумагой, шурупами, саморезами и прочими крепежами. В противоположной стороне Секач установил рабочий стол, над которым висят пилы, киянки, молотки, угольники и куча других инструментов. Пиломатериал хранится у стены напротив верстака. По центру мастерской стоит циркулярная пила.

Жаль, что нет ещё одного сарая, где Матвей смог бы оборудовать угол для малярных работ. Сейчас перед покраской ему приходится пылесосить и с помощью компрессора продуть все помещение. Но... пока так. В будущем, может, что-нибудь придумает.

Секач подошёл к верстаку, провел по его поверхности указательным пальцем, набрал полную грудь воздуха, медленно выдохнул и на месте ногтя появился волчий коготь длиной сантиметров пять. На фоне человеческого пальца он выглядит зловеще.

Когти и клыки — новая опция, которую он открыл для себя сразу после рождения детей. Иногда Секач выпускает когти, чтобы почесать близнецам животики. Малышам явно нравится, чего не скажешь о жене. Марина, мягко говоря, не в восторге от его забав.

Вспомнив о жене, Матвей поднял к лицу правую ладонь, на безымянном пальце которой вытатуировано симпатичное обручальное кольцо. Настоящее кольцо двоедушник не может носить по объективным причинам.

Он вспомнил слова Крыши, когда тот забирал его из тату-салона:

— Обратной дороги нет, Матуха. Смотри, не разведись. Иначе замучаешься искать специалиста, да и дорого сводить.

И улыбнулся. Искренне. По-настоящему. Впервые за последние два дня.

Глава 3. Сизая голубка. 09.05, пятница. День второй

Шелест листьев всегда ассоциируется с покоем и умиротворением. Для Матвея звуки природы — это отдельная категория музыки. Он до сих пор помнит, как на лесоповале приходил раньше всех к месту валки, чтобы несколько минут постоять среди сосен в одиночестве и послушать мелодию леса перед тем, как ее нарушат стук топоров и вой бензопил.

«Кто пишет ноты для природы?» — раз за разом спрашивал Секач у мироздания и не находил ответа.

Шелест листьев он находил гармоничным, но сейчас гармонию нарушали глухой стук комков земли о крышку гроба и шорох лопат.

— Скоро здесь поселятся медведи. Как пить дать. При коммунистах тут пахали и сеяли, поля были кругом, куда ни глянь. А сейчас? На сельское хозяйство положили болт, большой и толстый, причем давно. Теперь бизнес всем подавай. А природа ждать не будет. Она быстро берет свое. Посмотри вокруг, все поросло. Лес кругом. Недалек тот день, когда медведи вернуться. Помяни моё слово, Матвей.

На медведей Секачу было насрать, но он учтиво кивнул и попросил у Сергея Лаврентича, сигарету. Мужчина полез во внутренний карман.

— Вера была хорошим человеком. За тебя стояла горой. Ну хоть пожила. Девяносто — это хороший возраст. Хороший. Не каждому богом столько отмерено.

Секач оторвал взгляд от могилы. В последний путь бабушку пришло проводить человек двадцать. Если вместе с копальщиками считать. Для него бабушка была не просто хорошим, а лучшим человеком. Но таких как баба Вера не хоронят всем миром. Такие уходят тихо и сразу, как только убедятся, что выполнили свой долг сполна.

Матвей вздохнул и затянулся табачным дымом. Хотелось выть.

Подожёл Крыша с Ольгой. Приятель похлопал Секача по плечу.

— Держись, брат.

«Держусь», — кивнул, скорее сам себе, Секач.

Уходили молча. И не оглядывались. Каждый думал о своем. Секач покидал кладбище последним. И перед тем, как повернуться к могиле спиной, он увидел сизую голубку, опустившуюся на голубец. И на сердце стало как-то спокойнее: уже скоро душа бабушки перейдет в лучший из миров.

Весна в этом году пришла рано. Апрель выдалась теплым, а май и подавно. И это хорошо. Не нужно на себя цеплять кучу слоев одежды.

Марина встретила Свету у входа в парк. Девушки расцеловались, после чего рыжая наклонилась к коляске, глядя в сонные мордашки крестников.

— Ути мои холосые. Кто у нас тут такие красивые? Кто у нас тут погулять вышли? — залепетала рыжая.

Машу и Ваню крестили на третий день после родов — баба Вера настояла. Матвей не возражал, а Марина и подавно. За крестными далеко ходить не пришлось. Света и Крыша. Кому, как не им. В день крестин Матвей узнал, что у рыжей, оказывается, фамилия Патрикеева. Как у лисы из сказки, ей богу.

— Как Матвей? — спросила Светка, насюсюкавшись.

— Ему тяжело, — ответила Марина, поправляя на коляске солнцезащитный козырек. — Но знаешь, он убежден, что бабушка решила сама уйти.

Секач действительно верил, что жизненный путь бабы Веры подошёл к логическому концу. Она вырастила и воспитала внука, дождалась, когда тот встанет на ноги, обзаведётся собственной семьёй и с чистой совестью ушла. Просто уснула и не проснулась. Лёгкая смерть. Накануне смерти бабы Веры, Марина и Матвей вместе с детьми гостили у нее. Старушка нянчилась с правнуками. Когда уходили, всех обняла крепко, перекрестила. Ворота и двери дома за гостями она закрывать не стала. Об этом Матвей узнал от соседа, Сергея Лаврентича, который пришел к бабе Вере рано утром и застал ее мертвой в постели.

Организацией похорон занимался Секач. Жену к этим делам он и близко не подпускал, хотя она, видит бог, очень хотела помочь. Марина намеревалась оставить близнецов на попечение родителей и попрощаться с бабой Верой, но Матвей даже слышать об этом не хотел.

— Ты кормящая мать, милая. Я тебя близко к кладбищу не подпущу. Сечешь?

Удивительно, что мужа поддержали родители — атеисты до мозга костей. Марине пришлось смириться.

Гуляя по аллее, молодые женщины тихонько переговаривались. Мимо них шагали граждане с георгиевскими ленточками на груди. Периодически попадались на глаза пожилые люди с орденами и медалями поверх старых советских пиджаков из плотной полушерстяной ткани с лавсаном. Город отмечает День победы, и вокруг царит праздничное настроение. Света пересказывала новости, Марина периодически наклонялась к коляске и что-то там поправляла. Где-то вдали играла музыка. Пройдя немного по парку, девушки решили присесть на лавочку и едва успели расположиться, как сверху над их головами послышалось хлопанье крыльев. Подруги подняли взгляд и увидели сизую голубку. Птица немного покружилась над коляской и исчезла за кронами деревьев.

— Ладно хоть не нагадила, — произнесла рыжая. — Хотя, говорят, это к деньгам.

В это время у Марины сыграл телефон. Девушка активировала экран и увидела сообщение от мужа:

Все, милая. Скоро буду дома!

Глава 4. Не хочется, а надо. 10.05, суббота. День третий

Мелодичная музыка действовала успокаивающе, и никуда не хотелось идти. С кружкой чая и наушниками в ушах Кузен расположился на небольшой лавочке под навесом у крыльца и, пожалуй, впервые за девять лет, испытывал чувство удовлетворения. Вытянув ноги, просто сидел, ни о чем не думая, и смотрел на качели — простенькую и окрашенную в зелёный цвет металлическую конструкцию посреди двора. Интересно, зачем Чемею качели, у него, вроде как, детей нет. Надо будет спросить.

В наушниках заиграла незнакомая песня. Кузену она не понравилась, и он ее перелистнул, затем прикурил. Чемей вышел на улицу в аккурат, когда Кузен потушил окурок. Кажется, это уже третья сигарета за утро.

— Здоров!

Кузен вытащил наушники из ушей, пожал Чемею руку и подвинулся, давая возможность товарищу присесть рядом.

— Нахера тебе качели, братуха?

— Пока отбывал, здесь брат с семьёй жил. Я освободился, и они съехали. Сейчас снимают хату в Новостройках.

Кузен кивнул. Хорошо тут, спокойно. Никакого автомобильного шума. Домой возвращаться не хочется от слова совсем, но придется. Не торчать же сутками у Чемея. Да и мать волноваться будет. Два дня назад освободился и дома, считай, толком не бывал.

— Надо до дому двигать, — проговорил Кузен.

— Нахуя, Слав? Оставайся у меня, чё матери глаза мозолить. Вдвоем всяко веселее.

— Да не, мать волнуется, поди. Спасибо, что встретил, кстати.

— Понравилось? — улыбнулся Чемея.

— Да. Огонь телка. Молоденькая, ух. Только не пойму, к чему вся эта конспирация нужна?

Чемея пожал плечами. Ходят слухи, что эти шлюхи занимаются куда более серьезными делами. Торговля собой — всего лишь подработка. Но распространяться об этом не стоит. Если разобраться, Чемея подобные вопросы мало интересуют. Мучает другое.

— Слыхал местную байку?

Кузен удивленно посмотрел на кента. Откуда? Он только-только вышел по УДО, отсидев девять лет из десяти с половиной. Да и какое ему дело до местного фольклора?

— Угораешь что ли? Нет, конечно. Чё за байка?

— Говорят, у нас в окрестностях оборотень поселился. Каждое полнолуние воет. Всю живность распугал. В радиусе пятнадцати-двадцати километров нет ни волков, ни лис.

Кузен хмыкнул. Кажется, он понимает, к чему клонит Чемея.

— Так вот... я все думаю... тот тип... ты уверен, что это капа?

— Уверен, Леша. Странно, что ты в этом не уверен. Хуй с тобой, давай предположим, что слухи правдивы и мы закусились с оборотнем. И чё дальше? Он пошел своей дорогой, мы — своей. Если тебе хочется верить в эту чушь, ради бога! Я даже поддержу тебя. Уверен, тёлкам в кабаке эта история зайдет, будь здоров. Любительницы послушать ее наедине всегда найдутся.

Чемей захохотал. А чё, отличная идея. И ведь действительно. В существование оборотня верит добрая половина города. Кузен прав, этим можно как минимум заинтересовать.

Глядя на довольное лицо кореша, Кузен усмехнулся и вздохнул. Домой возвращаться не хотелось.

Федька зашёл на кухню. Башка трещала от вчерашней попойки. Да уж, нажрался он изрядно. За дедов.

Покрутив головой, заметил на плите сковороду с макаронами по-флотски. Взял ложку, попробовал. Ещё горячие, греть не надо. Потянулся за тарелкой.

Вошла мать.

— Садись за стол, сама положу.

Федька примостился за столом на табуретке у холодильника.

— Ты работу нашел? — спросила мать, ставя перед ним тарелку.

Достала булку хлеба и начала нарезать.

— Неа, — пробурчал парень, стараясь не смотреть матери в глаза.

— Ты ее вообще ищешь?

— Ищу, ма. Звонил в пару мест. До праздников. Оставил резюме, обещали перезвонить.

Резюме Федька составлять не умел. Откровенно говоря, никуда он не звонил, но, похоже, придется — мать всю плешь проест, пока не увидит, что сын действительно занят поиском работы.

— Значит, нужно ещё позвонить куда-нибудь. Сколько ты собираешься ждать ответ? Месяц? Два? У сестры выпускной, ты не забыл? Ей нужно платье покупать, поэтому на меня не рассчитывай, я тебе денег не дам.

— Что-нибудь придумаю.

Мать убрала нож в подставку и посмотрела на сына.

— Вот не надо этого, слышишь? Не надо. Знаю я твое придумаю. Тебе мало «условки»? Хочешь закончить жизнь, как отец?

— Да при чем тут отец, ма, я...

— При том. Очень даже при том. Ты думаешь, я не знаю, чем вы с этим балбесом Денисом занимаетесь? Днями крутитесь вокруг техникума, деньги со сверстников трясете.

Федька постарался изобразить возмущение на лице, но мать так просто не проведешь.

— Ешь. И не смей перечить. О ваших проделках весь Рабочий поселок знает. И скоро узнает полиция, помяни моё слово. Если уже не узнала. Доедай и отправляйся искать работу. Ты меня понял?

Федька кивнул. Работу искать не хотелось.

Глава 5. Дурной расклад. 11.05, воскресенье. День четвертый

Классический советский комод из массива дерева высотой около метра и по ширине столько же. Пять ящиков в четыре ряда — два в верхнем и по одному на каждый ряд снизу. Весит навскидку килограмм пятьдесят как минимум, а то и шестьдесят. Матвей смотрит на изделие, аккуратно уложенное в прицепе, и прикидывает: протиснется в калитку или лучше ворота открыть?

— Добротная вещица, — молвит Секач, продолжая оценивающе рассматривать комод.

— И не говори, братуха. Успел перехватить. Вчера, прикинь, вечером зашёл на сайт поглядеть, что люди предлагают и чего ищут. И увидел его. Бесплатно. Приезжай и забирай. Созвонился, приехал и забрал.

— Как ты его тащил?

— Сосед помог за двести рублей. Не хотел тебя дергать.

Матвей поблагодарил бизнес-партнера кивком. Вчера у него был тяжёлый день. Не до комодов. Он запрыгнул внутрь прицепа, отодвинул один ящик. Хм. Никаких металлических направляющих. Только деревянные бруски. Этому изделию лет семьдесят, не меньше. А может, и восемьдесят. Бруски стёрлись. Придется ставить тонкие плашки. А так, в целом, прикольная вещица. Отремонтировать, зашкурить, покрасить и можно продавать. Матвей не сомневался, что быстро заберут.

— Завтра сундук привезу. Одна бабка в деревне померла, родственники от хлама избавляются. Может, ещё чё прихвачу. Попросил ничего не выбрасывать, съезжу, гляну.

Матвей посмотрел на приятеля и задумался.

— Слушай. Может, стоит кого-нибудь нанять тебе в помощь для погрузки?

— Так я не часто грузюсь такими габаритными вещами, братуха.

— Я и не предлагаю брать кого-то на оклад. Понадобится — позвоним, заплатим. Сечешь?

Крыша почесал затылок. Потом пожал плечами. Почему нет? Матвей товарища понял.

— Сегодня же вечером дам объявление.

Вечерело. Федька сидел на лавочке небольшого сквера, придирчиво оглядывая каждую девушку, проходящую мимо. Подкатить бы, познакомиться, но какой в этом смысл, если в карманах пусто? Деньги закончились. От этой мысли Федька горько вздохнул. Студенты со дня на день уйдут на каникулы. Как жить? С чего кормиться? Только вздыхать и остаётся. И надеяться, что у Дэна есть здравые идеи на этот счёт. Хотя... Ну с чего бы у Дэнчика вдруг появились здравые идеи? Мать правильно сказала — балбес балбесом.

Федька бы закурил, но сигареты закончились. Он откинулся на спинку лавочки. Зазвонил телефон. Дэн.

- Даров! — услышал он в трубке голос приятеля.
- Даров! — ответил Федька. — Чё, словимся сегодня?
- Не могу, матушка припахала. Потому и звоню предупредить.
- Ты пиздец...

Федька хотел было сказать, что он думает о своем дебилоидном кореше, на которого нельзя ни в чем положиться, но тут заметил сестру. Алина шла в компании Вики — одной из шлюшек Протаса.

- Какого хуя...
- Чё там, братуха? — из трубки слышалось шуршание, походу кореш чипсы хомячит.
- Сестра с Викой... ну этой, одной из Протасовских шкур, гуляет, — ответил Федька, внимательно наблюдая за Алиной.
- Я бы с ней замутил.
- Слышь! Талон к стоматологу предварительно замути, дятел. Всеку сразу, понял-нет?

Дэн хохотнул.

- Да я про Вику, дебил.
- Тогда тебе и стоматолог не поможет. В курсе-нет, что Протас с тобой сделает, дурилка картонная?
- Эт да...
- Все, бывай! Некогда мне, — и Федька отключился.

Ладно бы Алина и Вика просто шли. Ну мало ли, встретились, прогулялись. Так нет, они вышагивали под ручку словно две закадычные подружки. Федьку такой расклад вообще не устраивает. Он едва ли не бегом пересек сквер и пошел вслед за девчонками. А те и не думали оборачиваться. Не спеша шагали по аллее и весело о чем-то щебетали. До Федьки отчётливо доносилось хихиканье.

Двое парней прошли мимо девушек. Один присвистнул. Федька видел, как девчонки прыснули от смеха. Затем парни оглянулись, оценивающе рассматривая обтянутые джинсами ягодицы подружек. В любой другой день Федор бы, не базаря, прописал обоим ушлепкам по ебалу, но не сейчас. Прыщавые дровичлы его беспокоили меньше всего. И все же Федор не удержался, смерил презрительным взглядом озаботов и смачно сплюнул им под ноги. Парни промолчали.

«Черти, ссука», — прошипел одними губами Федор, продолжая следовать за сестрой.

Примерно минут пятнадцать он шел следом и хотел было уже окликнуть сестру, но тут рядом с девчонками тормознул черный Mercedes GL-класса.

«Протас»

Девчонки сели в салон. Машина плавно вырулила на проезжую часть и скрылась за поворотом, а Федька стоял и беспомощно наблюдал, как увозят сестру.

Глава 6. С чего начать? 12.05, понедельник. День пятый

— Милый. А почему ты всегда самого лёгкого ребенка берешь?

Матвей стоял в прихожей с дочкой на руках. Вопрос жены застал его врасплох. Он моргнул.

— Э...

— Да шучу, дурачок, — улыбнулась жена, выходя из спальни с сыном в люльке-переноске.

Не успели выйти из дома, как позвонил Крыша. Сказал, что привез сундук. Вот и погулял с семьёй называется.

— Иди, я одна справлюсь. С коляской только помоги.

Вытащив коляску на улицу и поцеловав жену, Секач отправился в Первый поселок.

Крыша ждал кореша возле ворот. В прицепе красовался деревянный напольный сундук с покатой крышей, отделанный металлическими полосами, формирующими ромбовидный узор. С боков металлические ручки. В общем, классический сундук начала XX века. Работы прилично — отсутствуют петли, обшивка изнутри истрепалась, краска облезла, металл покрылся ржавчиной. Другими словами, есть чем заняться в ближайшие дни.

Перетаскивали сундук в мастерскую и поставили рядом с комодом. Секач включил чайник.

— Объявление подал, — сказал он бросая в кружки по пакетiku чая. — Указал свой и Маринин телефон. На всякий случай.

Крыша кивнул и закурил. Протянул пачку Матвею.

— С чего начнем? — спросил Вовка.

— Хм. С комода, думаю.

Идти некуда, но и дома торчать не вариант. Федька вышел на улицу. Во-первых, чтобы не мозолить глаза матери. Достала, блин, со своей работой. Во-вторых, чтобы не прибить сестру. Ссука, бесанула, дура малолетняя. Сколько он не шипел на нее, так и не сказала, какие дела у нее с Викой. Да хуй с ней, с Викторой — с Протасом. В-третьих, хотелось курить. Надо срочно стрельнуть сигу и успокоиться.

Проходящий мимо мужик, успевший уже где-то налакаться с утра пораньше, в сигарете не отказал. Федька затянулся табачным дымом и почувствовал, как его немного заштормило. С каждой новой затяжкой нервы постепенно успокаивались, желание прибить сестру и наорать на мать пропало. Он даже подумал, что, возможно, стоит действительно найти работу. Такую... без графика... со сдельной оплатой. Поработал денёк — получил деньги, и можно на пару дней о работе забыть.

Федька полез на сайт с вакансиями. Поставил в фильтрах сортировку объявлений по дате публикации и практически сразу же наткнулся на подходящий вариант:

Требуется разнорабочий. Оплата сдельная по часам. Пока без официального трудоустройства. Звонить: +7 (XXX) -XXX-XX-XX, Матвей, или +7 (XXX) -XXX-XX-XX, Марина.

Хм. Позвонить? Узнать че-кого?

«Позвоню телке. Приколюсь», — решил Федька и нажал на видеозвонок.

Он был практически уверен, что баба на вызов не ответит. Тогда будет чем перед матерью отмазаться. Скажет, мол, звонил — не дозвонился. Каково же было его удивление, когда на экране смартфона он увидел красивую брюнетку. Девушка, судя по всему, куда-то шла, причем неторопливо, смотрела в телефон сверху вниз и выглядела немного удивлённой. Федька услышал шорох гравия и догадался, что она толкает перед собой коляску. А ещё он успел отметить ее титки.

«Ниче такая милфа. Ябзамутил».

— Привет. Мы знакомы? — спросила Марина.

На нее смотрел молодой мальчишка, от силы лет девятнадцать. И, кажется, немного растерянный.

— Ну... э... это... я...

— По объявлению звонишь?

— А? Да-да... это...

— Почему мужу не позвонил?

— Ну... я... это...

— Испугался?

Слово испугался, похоже, вывело парня из замешательства.

— В смысле, испугался? Я чё похож на ссыкливого?

— Тогда запоминай адрес. Запомнишь? — Парень кивнул. — Отлично. Придешь, поговоришь с мужем, он сам все объяснит.

Марина продиктовала адрес и отключилась, затем набрала Матвея.

Пристрой к сараю Секач так и не сделал. Зато смастерил навес, куда перетащил из сарая четыре сколоченные из брусков стойки для штанги — две высокие для приседа и две короткие для жима лежа. Под лавочкой обосновались гири, гантели, гриф и блины. Боксерский мешок лежал здесь же на земле — ещё не успели повесить.

Матвей окинул свой новый спортуголок придирчивым взглядом, потом вошёл в мастерскую. Крыша орудовал шлейф-машинкой.

— Чай будешь? — спросил Секач, перекрикивая шум работающего инструмента.

Вовка кивнул. Матвей сполоснул руки в рукомойнике и пошел в дом, где взял две кружки, зефир и сахар, после чего вернулся под навес.

«Теперь здесь будет не только спортуголок, но и чайхана», — решил он.

Чайник вскипел, и Матвей заварил чай. Крыша выключил инструмент и пошел мыть руки. Матвей слышал, как сначала скрипнула калитка, а потом до его ушей донесся голос друга:

— О, пэтэ, Почтальон!

Глава 7. С черного входа. Вечер

Сквозь приоткрытое окно машины прохладный воздух нежно ласкает темно-русые локоны. День выдался жарким, но к вечеру жара уступила место приятной прохладе. Вике ещё не доводилось встречать столь раннюю и теплую весну.

В салоне тихо играет красивая танцевальная музыка. Сидя на переднем сиденье «мерина», девушка чувствует себя королевой. Ей нравится кататься с Гошей по городу, ловить на себе взгляды других девушек. Некоторые смотрят на нее с завистью. Некоторые с недоумением — что она смогла найти в этом взрослом мужике с грубыми чертами лица и злым взглядом? Вика могла бы многое им рассказать. Например, у Игоря большой опыт в постельных делах. Он щедрый, сильный, властный, пользуется авторитетом в округе. С ним как за каменной стеной. К тому же взрослые мужчины пахнут по-особенному. От них исходит аромат силы и уверенности в себе. И вообще, с ними по-другому. Но разве дурам это объяснишь? Алина, кажется, все понимает правильно.

Протас молча курит, не отрывая взгляд от дороги. Его спокойствие передается и Вике. Девушка всегда немного нервничает перед делом.

— Эта Алина... Турова, кажется... вы давно знакомы? На нее можно положиться?

Вика знала, что он обязательно спросит об этом, и сейчас чертовски гордилась своей прозорливостью. А ещё она знала, что Гоша точно клюнет на симпатичную подружку. Ну как подружку... скорее, знакомую.

— Мы знакомы со школьной скамьи, и она всегда, сколько я ее помню, была девочкой серьезной. С амбициями. В конце июня у нее выпускной.

— На нее можно положиться? — повторил вопрос Протас.

Вика пожала плечами. Откуда ей знать?

— Не знаю. Но она постоянно спрашивает, откуда у меня красивые и дорогие вещи. Последнее время крутится возле меня. Думаю, она тоже не прочь подзаработать.

— С кем она живёт?

— С матерью и братом. Отец умер в тюрьме от туберкулёза. Давно. Ее старший брат Федька слоняется по округе от безделья, студентов напрягает вместе с ещё одним дебилом, Дэном Осташко.

— Как отца звали?

— Леонид, видимо. Алина по отчеству Леонидовна.

Протас кивнул. Кажется, припоминает... Ленка Турчак. Слышал о таком, на тубанаре представился. Гоша открыл пошире окно и щелчком пальцев выбросил окурочек, паркуясь на заднем дворе кабака.

Бар «Конечная» расположен в самом центре Литейки. Тогда откуда такое название? Вика не знала. Наверняка, нечто символичное. Она здесь ни разу не была, но слышала немало историй — классическая пивнушка, где с одинаковым успехом можно провести весело время и

нажить неприятностей. Неужели, не было заведения поприличней? Об этом она Гошу не спросит, но кое-что следует уточнить:

— Он кто?

— Вахтовик. — Гоша ободряюще провел пальцем по ее щеке. — Не переживай. Обычный мужик, который полгода провел на вахте, а теперь сорит деньгами. Пошли, пора работать.

И покинул салон, хлопнув дверцей.

Вика вылезла из машины следом и пошла за Протасом. Как обычно, она не надела ничего вызывающего. Джинсы и черная короткая курточка из кождама. Волосы девушка стянула в пучок на затылке.

У черного входа их встречал невысокий мужчина, судя по всему, армянин. В узких тёмно-синих джинсах и синем блейзере поверх белой футболки. Он поздоровался с Протасом за руку и кивнул девушке, затем указал рукой в сторону двери, мол, следуйте за мной. В кабак вошли через черный вход и очутились в узком коридоре. Через слегка приоткрытые двери слева девушка отметила, что здесь находятся душевая, раздевалка и туалет для персонала. Затем очутились в моечной с двумя раковинами, у которых трудились две немолодые женщины. Посудомойки на секунду оторвали взгляд от мойки, но, увидев босса, вернулись к работе. До ушей Вики донеслись звуки танцевальной музыки.

Прошли мимо стеллажей, заставленных посудой, и вышли в зал, минуя туалеты с буквами М и Ж.

— Видишь чувака у барной стойки? В коричневой кожаной куртке поверх красной клетчатой рубашки? — спросил Протас, наклоняясь к ее уху.

Девушка кивнула и направилась к бару.

Музыка играла громко, но вполне комфортно — можно спокойно поговорить. Подойдя к барной стойке, Вика села на табурет рядом с мужчиной справа. Протас расположился чуть поодаль по другую сторону от него.

— Привет! — весело произнесла она. — Угостите меня коктейлем? В горле пересохло.

Мужчина, уже прилично охмелевший, смерил девушку взглядом. Молоденькая. Фигуристая. А кто в ее возрасте не фигуристый?

— Сколько тебе лет?

Вика фыркнула.

— Сами-то как думаете? Сюда не пускают малолетних, если вы не в курсе. Мне девятнадцать.

— Ты не похожа на девятнадцатилетнюю...

— Мама родила меня в шестнадцать. Говорят, женщины, родившие в столь раннем возрасте, передают ребенку особый ген молодости... э... не помню, как он называется. Так вы

угостите меня коктейлем или мне напустить на вас чары? Учтите, я ведьма. Как и все зеленоглазые красотки.

Девушка наклонилась к мужчине, постаралась изобразить на лице максимальную серьезность, выставила ладони перед его лицом и, шевеля пальцами с красивым маникюром, зашептала:

— Ахалай-махалай-ахалай-махалай...

Мужчина рассмеялся и щёлкнул пальцами, подзывая бармена.

Протас удовлетворённо кивнул, одним залпом осушил кружку с безалкогольным пивом и, довольный, покинул заведение.

Глава 8. Зверь. Ночь с 12 на 13 мая

О чем люди просят своих богов?

Об этом думал Матвей, сидя в автобусе у окна. Он ничего и никогда не просил. И вряд ли попросит. Хотя... нет. С удовольствием бы задал парочку вопросов.

Людмила Аркадьевна ничего у него не просила. Носила амулет, периодически приносила в жертву куриц на алтаре Семена. Вместе с Пал Палычем.

Пал Палыч обращался к нему с просьбой дважды. Первый раз попросил за дочь. Во второй раз спросил, как он будет жертвовать двоедушнику дары, раз теперь нельзя ходить в лес? И Секач познакомил его с Людмилой Аркадьевной.

Благодаря их ежедневным молитвам и частым жертвоприношениям с кровью в виде зарубленных кур у Матвея теперь есть клыки и когти. Он освоил частичный переход, но полностью переходить из человеческого тела в волчье без помощи ножа пока не научился. Почему? Вот об этом Секач и спросил бы у бога: возможно ли освоить процесс перевоплощения, не используя клинок? Подобный навык точно не помешает и, что самое главное, обезопасит его. Нож ведь может украсть какой-нибудь случайный прохожий.

Матвей вылез на конечной. Постоял, подождал, пока округа опустеет и углубился в лес. Солнце исчезло за горизонтом, и на улице существенно похолодало. Секач предусмотрительно надел тонкий шерстяной свитер, но и он не помогал — было зябко. Двоедушник поежился. Надо поскорее найти подходящее место и обернуться. Как только он перевоплотится в волчью шкуру, температура тела подскочит практически до сорока градусов. Сразу станет теплее. Возможно, даже жарко от беготни.

Продвигаясь по лесу, принимался и прислушивался. Последние месяцы он старается уходить подальше вглубь лесной чащи. Так безопаснее, но приходится тратить уйму времени. Думал взять велосипед, чтобы не таскаться пешком, но потом отбросил эту идею. В темноте да по лесу ездить на велике то ещё удовольствие.

Подходящую прогалину с пнем он обнаружил в пяти километрах от города. Воткнул нож и перепрыгнул через пень.

Знакомое чувство восторга оваяло волком сразу, едва он приземлился на лапы. Зверь поднял голову к луне, издал восторженный вой и юркнул в кусты.

Девять лет назад здесь стояли деревянные рамы. Стеклопакеты мать поставила гораздо позже. Кузен предположил, что в рассрочку — зарплаты санитарки вряд ли хватит, чтобы покрыть работу одним платежом. Он хорошо помнит тот день, когда последний раз видел деревянные ставни. Отец сидел напротив него в стельку пьяный спиной к окну и нес какую-то хрень. Учил сына жизни. Кузен пропускал слова бати мимо ушей — ему уже за тридцать, чему его может научить этот бухарь?

Их семью нельзя назвать идеальной. Отец пил и нередко бил мать. Кузен не вмешивался, хотя порой испытывал огромное желание прибить папашу. Отца он не уважал. Сложно уважать человека, который тебя ничему в этой жизни не научил, не сказал ни единого хорошего слова в твой адрес. Кататься на велосипеде, плавать, рыбачить, играть в футбол и секу Кузен учился самостоятельно.

— Почему ты не подашь на развод, мам? Хули ты терпишь это животное? — спросил парень как-то у матери.

Женщина только вздохнула. Воспитание такое. Ее с детства учили терпеть и не перечить мужу.

В тот день мать была на работе. Славка обедал, а напротив него отец допивал очередной пузырь. Замахнул рюмку и взглядом указал сыну на бутылку.

— Налей.

Пришлось оторваться от тарелки. Под сопенье и чавканье отца Славка вылил оставшиеся грамм тридцать и убрал пустую бутылку под стол. Батя опрокинул рюмку в пасть, закусил куском сала с хлебом, крикнул от удовольствия, вытирая рот тыльной стороной ладони, и полез в задний карман штанов. Достал деньги.

— Сбегай за пузырем.

Кузен фыркнул, макая пельмень в майонез.

— Нашел, блять, младшесемейника. Сам иди, я тебе не шнырь. А лучше отправляйся в кровать и проспись. Не надоело ещё бухать, а?

Отец уставился на сына. Потом выпрямился, уперев ладони в колени. С минуту родственники смотрели друг другу в глаза, не мигая, затем батя медленно встал.

— Перечить мне будешь, сопляк? Взял деньги, говорю, и пошел в магазин. Живо!

— Пошел ты на хуй, колдырь, — Славка отложил вилку в сторону. — Ещё указывать мне будешь, пьянь ебучая. Хочешь лакать — лакай, только я шнырить для тебя не собираюсь...

Хотел ещё что-то добавить, но в это время отец грохнул кулаком по столу, да так, что рюмка хлобыстнулась на пол и разбилась. Оба молча уставились на осколки.

Кузен лишь ухмыльнулся и продолжил уплетать пельмени.

— Тебе смешно, да? И чему ты, нахер, радуешься?

— Да ничему я, нахер, не радуюсь. Чему тут радоваться? Тому, что ты посуду бьешь?

Отец продолжал гневно сопеть, затем ткнул себе в грудь пальцем.

— Я ее купил. И куплю ещё. В отличие от тебя, я зарабатываю. Так что закрой свой рот. Поучать тут меня будешь, дармоед. Работу сначала найди, потом поговорим на равных. До сих пор не могу понять, в кого ты уродился, бестолочь.

Кузен встал из-за стола и подошёл к раковине. Открыл кран и начал мыть тарелку из-под пельменей.

— Ты, типа, оскорбить меня хотел, да? Дармое-е-ед. Бе-е-е-естолочь! — передразнил бату парень. — Да, я дармоед. Да, бестолочь. А ты на что рассчитывал, когда забил хуй на мое воспитание, а? Что из меня человек вырастет? Ты же пальцем о палец не ударил, чтобы воспитать во мне человека. А сейчас сидишь и ахуеваешь, в кого я такой. Да в тебя, блять, в тебя. Моё дармоедство проявляется в нежелании работать. А твое проявилось в нежелании воспитывать ребенка. Тебе ведь бутылка дороже, уебок.

— Ах ты, сучонок, — заорал отец и вскочил со стула.

Одним прыжком он пересек кухню и подскочил к сыну, но Кузен был готов и всадил отцу вилку в глаз. Мужчина взвыл, но вместо того, чтобы отскочить, схватил сына за шею и начал душить. Задыхаясь, Кузен судорожно зашарил рукой по раковине и нащупал кухонный нож.

Когда мать пришла с работы, сын сидел на кухне и курил. У его ног валялся в луже крови и с вилкой в глазу мертвый нерадивый муженёк.

На следственном эксперименте Кузен пересказал весь диалог с жертвой слово в слово, в деталях описал события того дня. Умолчал лишь об одном — ему понравилось причинять боль. Понравилось убивать.

Судья не поверил в самозащиту по одной простой причине — Кузен нанес родителю в область шеи и лица двадцать три ножевых удара. Это много для самозащиты. Органы обвинения посчитали, что достаточно было ударить раз, чтобы остановить агрессию, а потом убежать из квартиры и вызвать полицию. Вот это, по мнению представителей правопорядка, была бы самозащита. А когда ты тычешь ножом раз за разом в шею... такое расценивается, как добивание.

За убийство отца Кузену отсыпали семь с половиной лет строго. Ещё три он накрутил на Пермской пересыльной тюрьме, когда проломил череп таджику по имени Зикрулло «литряком» (литровой кружкой). Туповатый и плохо говорящий по-русски среднеазиат, проигрывая в нарды, послал сгоряча соперника на хуй. Видимо забыл, что тюрьма, вообще-то, не кишлак. Кузен по сей день помнит, как стоял с окровавленным «литряком» в руке и чувствовал прилив эндорфинов. Подобные ощущения он испытал вчера с молодой шлюхой.

Из воспоминаний Кузена вывел звук срабатывания термостата — вода в чайнике вскипела.

Кузен насыпал в кружку чайную ложку кофе и две ложки сахара, затем перемешал кофейно-сахарную смесь и залил тонкой струйкой кипятка. Получилось с пенкой. Взял кружку и пошел на балкон. На кухне торчать не хотелось.

Темнота накрыла микрорайон Песчанки. Кузен закурил и только после этого с наслаждением отхлебнул кофе, вглядываясь вдаль. Аромат напитка перемешался с табачным дымом. За песчаным карьером темным массивом вирисовывалось очертание леса. Где-то там, по словам Чемя, бродит оборотень. Кузен усмехнулся и закатал левый рукав рубашки, под которым на предплечье набит волчий оскал.

«Я тоже зверь. Хищник», — подумал Кузен, поглаживая татуировку. Он хотел было сделать очередной глоток кофе, но кружка замерла на полпути ко рту — вдалеке послышался едва различимый волчий вой.

Глава 9. Схема. 13.05, вторник. День шестой

«Мерседес» двигался по центральной улице микрорайона Литейка, пока Вика не указала пальцем на одну из «хрущевок».

— Здесь.

Протас кивнул, сворачивая в соседний двор. Припарковался. Заглушил двигатель. Девушка вытащила из кармана жевательную резинку, чуть повернула зеркало заднего вида к себе и, закидывая в рот жвачку, посмотрела на свое отражение. Нда. Глаза опухли от бессонной ночи. Она едва успела принять душ, почистить зубы и сменить нижнее белье, когда за ней приехал Протас.

— Какой подъезд?

— Первый, — ответила девушка, возвращая зеркало в исходное положение и откидываясь на спинку сиденья. — Второй этаж, угловая квартира слева.

Протас вышел из машины. Немного потоптался на месте, разминая ноги, затем обошел автомобиль и открыл багажник. Достал синюю рабочую куртку. Надел, затем проверил оружие. Стрелять он не собирается, но с «плёткой» спокойнее.

У подъезда закурил и едва успел сделать пару затяжек, как входная дверь открылась, и на крыльцо вышел мужик с таксой на поводке.

— Доброе утро! — поздоровался Протас, придерживая дверь.

Выбросил бычок в урну и вошел на лестничную площадку.

Поднявшись на второй этаж, остановился возле металлической двери. Квартира №10. Кажется, здесь. Вот будет смеху, если он ошибся.

На самом деле будет полная жопа.

Гоша нажал на кнопку звонка и стал ждать, прислушиваясь. Из соседней квартиры доносятся мужской и женский голоса, но в квартире №10 тишина. Слышимость тут, конечно, кобздец. Нужно постараться сделать по-тихому.

«Спит, ублюдок».

Гоша позвонил повторно. На этот раз из-за дверей до его ушей донёсся шорох.

— Кто? — раздался сонный голос за дверьми.

— Доброе утро! Я из газовой службы. Внеплановая проверка счётчиков. Откройте, пожалуйста, это не займет много времени.

Дверь открылось, и Гошу обдало волной затхлого запаха. По всем признакам квартира не проветривалась как минимум сутки. Протас перешагнул через порог и очутился в небольшой «двушке». Прямо — вероятно, дверь в спальню. Налево — зал, а справа — вход в кухню, веду-

щий мимо туалета и ванной комнаты. Хозяин квартиры с помятой и сонной рожей топчется в прихожей и запахивает халат.

— Вам туда, — указывает тот пальцем на кухню, даже не пытаясь скрыть зевоту.

На коротком полшаге Игорь наносит ему хлесткий прямой удар в нос. Голова мужика резко откинулась назад, едва не переломив шейные позвонки. Из носа хлынула кровь. Терпила ойкнул, попятился и, потеряв равновесие впечтался спиной в шкаф. Ещё не понимая, что происходит, он схватился за лицо и замычал, медленно сползая по шкафу на пол. Протас спокойно закрыл дверь изнутри на ночную задвижку, чтобы никто не смог открыть квартиру снаружи — мало ли у кого есть ключи, — затем подошёл к корчащемуся и стонущему на полу хозяину квартиры, и схватил его за шею.

— Даже не смей орать, мудака, — прошипел Протас, сжимая ладонь. — Знаешь, кто я? А, мразь? Догадываешься?

Кровь продолжала хлестать из носа. Мужик шмыгал, хрипел и тарасился на незваного гостя. В глазах ужас и непонимание.

— Я отец девочки, которую ты сегодня трахнул, пидор. Ты в курсе, сколько ей лет, а? В курсе?

Протас продолжал сжимать горло левой рукой. Хозяин квартиры рад бы ответить, но как? С пережатой-то трахеей. От нехватки кислорода его лицо приобрело пунцовый оттенок.

Правой рукой Протас достал из-за пояса пистолет и приставил ко лбу терпилы.

— Сейчас мы пройдем в зал и поговорим. Заорешь — пеняй на себя. Понял?

Тип кивнул. Гоша схватил терпилу за шиворот халата, рывком поднял на ноги и вместе с ним прошел в зал. Огляделся. Никакой роскоши. Советская классика: у дальней от входа стены стоит большой диван, напротив которого стенка темно-коричневого цвета с довольно большим телевизором внутри. Рядом с диваном кресло и торшер. У стены слева шкаф с вещами.

Протас толкнул мужика на диван. Терпила плюхнулся и затараторил, выставя перед собой руки:

— Послушайте. Это какое-то недоразумение. Я не знал. Клянусь вам! Она сказала ей девятнадцать.

Смотри-ка, голос прорезался.

— Чё ты меня лечишь, фуцман?

— Постойте! Постойте, же! — взмолился мужик, видя, что незванный гость теряет терпение. — Выслушайте меня! Пожалуйста! Здесь... здесь нет моей вины. Давайте поговорим как цивилизованные люди, хорошо? В чем вы меня обвиняете? Я не сделал ничего плохого. Если это ваша дочь, то... То... Я вам верю и прошу прощения, но... она сама под села ко мне. Сама. Я же не виноват, что она без вашего позволения явилась в клуб...

— Она была на каблуках и в платье? Яркий вечерний макияж? Нет? Вот именно, дебил. Она там подрабатывает ассистентом на кухне, мудила, и собиралась домой, когда ты ее подцепил.

— Я понимаю ваш гнев, но... откуда мне это знать, черт возьми? Давайте заглянем правде в глаза — все было по обоюдному согласию.

— Ты опоил ее. Привез домой и воспользовался. Так она сказала мне.

— Ну, разумеется, сказала. Что она ещё должна сказать разгневанному отцу? Но любой суд встанет на мою сторону.

Протас закурил и опёрся плечом об угол стенки.

— Вы не сможете доказать, что я воспользовался ее беспомощностью. Куча свидетелей видели, как мы уходили под руку и смеялись.

Протас смотрит на мужика и видит перед собой наивного дурачка.

— Ты прав. При поддержке хорошего адвоката суд, вероятно, встанет на твою сторону. Тебя оправдают и выпустят из зала суда. Поэтому я, в первую очередь, пошел к тебе, а не в полицию. Смотри, — Протас расстегнул пуговицы рубашки и оттянул ворот, показывая мужику татуировки — две воровские восьмиконечные звезды на ключицах. — Суть в том, что до суда тебе придется посидеть в СИЗО. Или как минимум на ИВС. Видишь ли, подозреваемых в совершении насильственных действий сексуального характера неохотно выпускают под подписку о невыезде. А я уж позабочусь, чтобы слух о тебе прокатился по всей тюрьме. Ты уже догадался к чему я клоню, или мне нужно все разжёвывать?

Терпила догадался. Он не знал тонкостей тюремных законов, но, чтобы осознать последствия, не нужно быть знатоком. Каждая собака в курсе, что ждёт в тюрьме насильника.

— Моя дочь не святая, — продолжил Протас, стряхивая пепел на пол. — Да и огласка мне ни к чему. Поэтому я готов дело замять. Но тебе придется заплатить. Во-первых, ты оплатишь все анализы, на которые я ее отправлю. Медицинское обследование она будет проходить инкогнито. Разумеется, в платной клинике. А это недёшево. Во-вторых, вдруг через две недели окажется, что она беременна? Ищи потом тебя...

— Беременна? Да я ей в рот кончил...

Лучше бы промолчал.

Протас сделал два коротких шага вперёд и наотмашь нанес удар пистолетной рукояткой по голове. Башка терпицы бестолково мотнулась, и он завалился набок, заливая кровью обивку дивана.

— Заткнись, блять, — прошипел Протас, тыкая стволом мужику в лицо. — Закрой свою пасть, ублюдок. Я даже слышать этого не хочу, понял? Уебок, ссука. Просто держи пасть закрытой и слушай. Или ты решил, что я, блять, поторговаться к тебе пришел, а?

Мужик тихо скулил и хныкал, сжимая руками кровоточащий лоб.

— Я возьму с тебя плату за расходы на анализы и консультацию гинеколога. Расходы на аборт. На всякий случай. И за моральный ущерб. Ты понял? Понял, мудила?

Лох закивал разбитой головой, шмыгая сломанным носом.

— Где твой телефон?

Мужик указал пальцем на тумбочку в коридоре, второй рукой продолжая сжимать рану на лбу. Протас вышел в прихожую, взял телефон, затем прошел в спальню. Ощупал карманы джинсов. Ничего. Вернулся в прихожую и открыл шкаф. Во внутреннем кармане кожаной куртки он нашел портмоне. Открыл и вытащил несколько купюр. Пересчитал. Двадцать семь тысяч. Хорошо.

— Зайди в мобильный банк и не вздумай заблокировать карту. Иначе следующую ночь проведешь у параша на ИВС.

Терпила к этому времени взял себя в руки. Он кивнул, дрожащими руками активировал экран смартфона и вошёл в банковское приложение. Протас выдернул гаджет из его рук и посмотрел счёт: семьсот сорок две тысячи. Вернул смартфон хозяину и достал из заднего кармана бумажку.

— Держи. Это номер счёта. Переводи на него семьсот тысяч. Сорок две тысячи оставляю тебе на пожар. Скажи спасибо, что я сегодня добрый.

— Семьсот? — пропищал лох. — Послушайте, это все мои...

Удар с ноги в грудь заставил его заткнуться.

— Я же сказал, сука, что не намерен торговаться, — прорычал Протас. — Ещё раз взбесишь, заберу всё до последней копейки. Переводи.

И ткнул пальцем в бумажку с номером счета.

Вика полулежала, забросив ступни на панель и придирчиво рассматривая педикюр, когда вернулся Протас. С сигаретой в зубах, он шумно плюхнулся за руль и повернул ключ зажигания.

— Все ок? — спросила Вика, надувая пузырь.

Гоша кивнул и мягко закрыл за собой дверь. Схема работала безупречно. Большинство терпил суд волновал меньше всего. Беспокоило другое — с чем они зайдут в хату. Когда переступаешь порог тюремной камеры, предстоит ответить на вопрос: «За что закрыли, земля?» Это простой вопрос и от вновь прибывшего будут ждать простого короткого ответа. Люди отвечают: «За разбой... за кражу... по сто пятой», — и к ним на какое-то время пропадает интерес. Другое дело, когда терпиле придется выдать из себя: «По подозрению в изнасиловании». После этих слов глаза всех обитателей хаты будут прикованы к нему. И в их взгляде нет нихера хорошего. Стоя посреди пятак, придется долго и нудно объяснять, обрисовывать ситуацию, уверять, что невиновен. И при этом смотреть в лица людей, которые сотню раз слышали подобные отмазки. По сути, ничего страшного не случится. Мало ли случаев, когда оговаривают невинного человека. Но откуда подобные тонкости знать таким вот фраеркам наподобие

этого вахтовика. Их представление о тюрьме сформировалось под воздействием масскультуры. Именно поэтому схема работала.

Протас знал, как это работает. Знал, какой страх вызывает у людей, будь они хоть трижды правы, вероятность замараться подозрением в изнасиловании. И на этом выстроил свою схему заработка. Он ещё раз мысленно прокрутил весь разговор с терпилой и остался доволен, затем полез во внутренний карман куртки, откуда вытащил пачку денег.

— Держи. Здесь двадцать семь. Ещё двадцать три выдам через пару дней, когда деньги выведу.

Губы девушки расплылись в улыбке. О, она точно знает, на что их потратить.

— Какое-то время тебе придется тянуть всю работу одной. Света заболела.

Улыбка тут же сошла с лица девушки. От воодушевления, охватившего ее минуту назад, не осталось и следа. Вкалывать каждый день Вике не хотелось.

— И надолго? — спросила она с кислой миной. — Чё с ней хоть случилось-то? Что-то серьезное?

— Заболела, блять! Сказал же по-русски. Ты чё, глухая? — вспыхнул Протас. — Он вроде в рот тебе кончил, а не в уши.

Вика убрала ноги с панели и притихла. Гоша повышает голос нечасто, но, когда начинает орать, хочется исчезнуть. Испариться в воздухе. Протас тем временем задним ходом вырулил с парковки. В машине повисла тишина, нарушаемая лишь щелкающими звуками включенного поворотника.

— Не хочешь работать одна, найди Свете замену, — произнес спокойным голосом Протас, выезжая на главную дорогу. — Алина, например... она, как я понял, не прочь подзаработать, да?

Глава 10. Между выбором и проблемой

Матвей и Марина с детьми вышли на прогулку ближе к обеду. Денёк вновь выдался на радость. Сегодня Крыша занят домашними делами — это отличный повод для Секача провести время с семьёй. Толкая перед собой коляску с близнецами, он наслаждался весенними лучами солнца и запахом жены, идущей с ним под руку. И нисколько не жалел, что поспал от силы часа два.

Перевоплощение действовало на Секача, как эмоционально приятный отдых и физическая нагрузка одновременно. Первая неделя после полнолуния всегда наполняет его жизнь яркими красками. Оборотничество одним махом снимает напряжение и стресс, накопленные за последний месяц. Кофе и музыка тоже помогают, но не намного. Скорее, смягчают симптомы. Настоящее облегчение наступает в момент перевоплощения. Каждый раз, возвращаясь домой из леса, Матвей улыбается. Сложно подобрать слова, чтобы описать это чувство. Наверное, нечто подобное испытывают змеи, меняя кожу. Или лось, сбросивший старые тяжёлые рога.

Матвей помнит свой первый опыт. Помнит, какой страх испытывал тогда! Но только годы спустя в полной мере осознал, что принял правильное решение, начав регулярно перевоплощаться. В противном случае нервно-эмоциональное напряжение давно бы сломало его психику и превратило в зверя.

Сидя на кухне, Федька уплетал гречку с гарниром. Сегодня у него не было необходимости прятать от матери глаза — он нашел работу, о чем и сообщил матушке, как только та зашла на кухню.

— Где? — поинтересовалась мать.

— У частников в столярной мастерской. В Первом поселке. Подмастерьем. У них заказы не каждый день, поэтому будут звонить, когда помощь нужна.

— Хорошо, — сказала мать. — Теперь будет кому дверцу шкафа починить, а то болтается на одном честном слове.

— Дашь денег на сиги, мам? С зарплаты отдам.

Мать вышла из кухни, минуту отсутствовала, а когда вернулась, то положила перед сыном на стол двести рублей.

— Спасибо, мамуль, — сказал Федька, вставая из-за стола.

Поцеловал мать в щеку и пошел на выход.

— Доешь хоть....

— Наелся, мам, — донеслось из прихожей.

Федька вышел из дома и направился в сторону магазина. Чертовски хотелось закурить. И обмозговать встречу с работодателями. Вчера он оказался застигнутым врасплох.

— Помнишь нас? — спросил мордатый на собеседовании.

Федьке хотелось верить, что это было собеседование, а не попытка прощупать почву.

Федор кивнул.

— Мусора тебя допрашивали? — вмешался рыжебородый.

— С чего бы им меня допрашивать? — возмутился Федор. — Я-то каким боком к Сеге?

После этих слов бородатый кивнул, а мордатый усмехнулся и шлёпнул его по плечу. Федька едва не прикусил язык.

— Да расслабься ты, Почтальон. Мы же так, чисто новости на районе узнать. В общем, считай, ты в команде. Будет работа — позвоним.

Федька теперь не уверен, стоит ли вообще брать трубку. Вот позвонят они сегодня или завтра, и что тогда? Ответить? Сега мертв. Причем по странным стечениям обстоятельств умер он поразительно быстро после того, как эти двое узнали его адрес. Да кто они, блять, такие? Федька понимал, что ответ ему может не понравиться. Поэтому лучше не знать. Вопрос в другом: как быть, когда позвонят? Ответить? А вдруг они заматают следы. Вдруг они искали его последние месяцы, а тут он сам нарисовался хер сотрешь.

«Свидетель все же», — при этой мысли Федька поморщился. Ох, не нравится ему это слово. Очевидец звучит более нейтрально и... как сказать-то... непредвзято, что ли. От этого термина так и веет непричастностью. Случайностью. Волей случая.

С другой стороны, если он обморозится и не возьмёт трубку, как это будет выглядеть со стороны? Не слишком ли подозрительно? Пришел такой, поторговал еблом и исчез. На звонки не отвечает. Они могут подумать: «А не засланный ли казачок, а?» И начнут искать.

«Блять».

Федька вошёл в магазин и встал у прилавка. Купил Winston Compact. Потом вышел на крыльцо магазина, судорожно распаковал пачку и только тогда вспомнил, что забыл дома зажигалку. Пришлось возвращаться в магазин.

Протас не спешил. Прислонившись задницей к переднему крылу автомобиля, он курил и посматривал в сторону сложенного из белого кирпича одноэтажного дома на две квартиры. Перед окнами небольшой палисадник. У соседей Гоша заметил парочку декоративных кустов и лозу винограда, только начинающую свой путь вверх к карнизу. У родителей Светки ничего подобного не было. Несколько цветочных клумб. И все. Зато сам двор огорожен двухметровым забором из профлиста серебристого цвета. Ещё недавно вместо него тут стоял деревянный покосившийся штакетник.

Протас хмыкнул. Он знал, откуда у родителей Светы появились деньги на забор.

Щёлкнул сигнализацией. Входить внутрь не хотелось, но нужно удостовериться, что проблем не будет. Подстраховаться, так сказать.

Перед тем как войти во двор позвонил доктору, которого вчера вызвал в частном порядке для осмотра Светы. Спросил, насколько все серьезно?

— В следствии перенапряжения заднего прохода на передней и частично боковых стенках образовалось несколько продольных разрывов с кровоизлиянием, а также разрыв слизистой оболочки кишки. Есть риск образования парапроктита, — ответил доктор. — Это серьезно. Нужно взять анализы на ВИЧ, гепатит и венерические заболевания, и начать лечение, чтобы избежать гнойного воспаления в параректальной клетчатке.

Гоша пообещал оплатить лечение. Не от доброты душевной. Он обязательно возместит со Светы убытки, но попозже, а сейчас ему нужно убедиться, что родители потерпевшей не поднимут шумиху.

Протас открыл калитку и вошёл во двор. На крыльце его встретил хмурый отец девушки.

— Здравствуйте! Меня зовут Игорь. Света попросила меня решить ситуацию.

— И что тут решать? Полицию надо вызывать, — проворчал, судя по землянистому цвету лица, ещё не успевший опохмелиться папаша.

Гоша усмехнулся и окинул взглядом закипающего в гневе отца.

— Вы вроде не дурак и прекрасно знаете, чем ваша дочь занималась. Как думаете, что ей скажут в полиции? Смазкой нужно пользоваться в таких случаях, вот что ей скажут. Я не сомневаюсь, что половина участка пользовалась ее услугами. Если хотите обойтись малыми репутационными потерями, — Игорь прикинул, уместна ли такая фраза для этой семейки, — дайте мне возможность разобраться во всем. Хорошо?

Папаша что-то проворчал и кивнул.

— И супруге передайте: не нужно ходить по округе и рассказывать всем подряд о том, что произошло с дочерью. Хорошо? Где она, кстати?

— За лекарствами пошла. Ваш доктор прописал.

— Отлично. Я могу повидать Свету?

Папаша кивнул и учтиво открыл перед Протасом дверь.

Игорь очутился в квартире со свежим ремонтом. Не нужно быть провидцем, чтобы догадаться, кто оплатил этот ремонт. Он повернулся к вошедшему следом родителю и вопросительно посмотрел на него.

— Вторая дверь направо, — указал пальцем папаша.

Гоша кивнул и, не разуваясь, направился вглубь дома по узкому коридору, устланному тёмно-коричневым ламинатом. Прошел мимо арки справа, ведущей в зал.

Спальня Светы — типичное для молодой девушки гнёздышко. Все в нежных светлых тонах. Двуспальная кровать, напротив которой туалетный столик с большим зеркалом. Над кроватью картины с какими-то растениями. Слева большой шкаф-купе. Куча подушек и мягких игрушек, некоторые из которых не уступают в размерах взрослому мужчине.

Девушка лежала на животе. Когда Протас присел рядом с кроватью на пуфик, она открыла глаза.

Глава 11. Отступать поздно

— Боже, они из меня всю душу высосут, — произнесла Марина, поправляя на себе футболку.

Матвей улыбнулся и вместе с коляской направился на выход в сторону аллеи. Следовавшая рядом жена хихикнула:

— Мы как стая волков, шныряем тут по кустам.

Секач хмыкнул. Он хотел было спросить про смесь, но воздержался. Жена сегодня уже разок назвала его нерадивым отцом, когда он, меняя детям подгузники, «нечаянно» выпустил когти.

«Интересно, все близнецы гадят одновременно?» — задался вопросом Секач и, не найдя ответа, спросил у жены.

— Милый, ты так спрашиваешь, словно я каждый год близнецов рожаю. Откуда мне знать?

— А материнский инстинкт что подсказывает?

Марина не смогла удержаться от смеха.

— Дурак!

Спустя час они были дома. Матвей отправился на кухню варить кофе, но едва успел поставить турку на плиту, как услышал со стороны лоджии голубиное курлыканье. Повернул голову на звук и на бельевом кронштейне с наружной стороны лоджии заметил сизую голубку. Цвет как цвет, ничего необычного для данного вида птиц, но Матвей сразу понял — это та самая птица, — и почувствовал, как в глубине души зарождается беспокойство.

Скоро что-то произойдет. Как пить дать.

Стоя возле плиты с туркой и карауля кофе, Секач мысленно прокрутил в голове все события последних месяцев. Пытался понять, где и кому он перешёл дорогу. Вспомнил события годичной давности, когда случайная встреча вылилась в двухмесячное противостояние. Сейчас у него нет конфликта ни с кем. Разве что два типа у банкомата. Но он с ними разошелся миром. Если это так можно назвать. Может запитали?

«Вряд ли. Шляпа какая-то. На что тут питать? На мужика, который показал тебе зубы? Не бил, не оскорблял. Просто оскалился».

Кофе был готов, и Матвей убрал турку с плиты.

Ему пришло в голову, что неприятности могут возникнуть у Крыши, к примеру. А может, на их след напали менты. В любом случае, предпринимать какие-то меры пока нет смысла. Сначала необходимо понять, откуда исходит угроза. Остаётся только ждать и быть готовым.

Кузен сделал глоток «купеческого» и зажмурился от наслаждения. На триста миллилитров воды столовая с горкой ложка мелколистового чая и одна чайная ложка сахара — в самый раз. Такой напиток в меру крепкий. Не вяжет глотку. Не сластит. По мнению Кузена, идеальней некуда.

— Ебать, ты чаепутало, — подал голос Чемей, глядя на кайфующего кента. — Оргазмировать только не начни.

Кузен в ответ усмехнулся.

— Расставляй фишки, крысолов. В короткую или длинную?

— В короткую. Она динамичней.

— Мне ваще до лампочки, в какую тебя прибивать. Приколочу и в короткую.

Чемей расставил фишки на поле для нардов и уже взял кубики в руку, но тут раздался телефонный звонок. Посмотрел на экран смартфона. Хм.

— Хуясе.

— Чё там?

— Сутенёр, похоже, — произнес Чемей и ответил на звонок. — Да. Здоров. В смысле? И чё? Слышь...

— Дай мне, — протянул руку, догадавшись о чем речь, Кузен, и Чемей передал ему трубку. — Але.

— Ты ещё кто? — услышал он в трубке.

— Кузен. В чем проблема?

— Проблема? — пробасил на том конце провода незнакомый голос. — Проблема в том, что из-за вас, извращенцев, я несу убытки.

— Какие, нахуй, убытки, а? Чё ты лечишь?

— Я объясню. Девушка, которую я к вам отправил, серьезно пострадала. Мало того, что мне приходится оплачивать ее лечение из своего кармана, так она ещё и на некоторое время стала недееспособной, что автоматически снижает мою прибыль...

— Ты мне тут про свою прибыль не заливай, лады? Я твои бабки считать не собираюсь. От нас-то чё хотел?

— Компенсации.

— Чего, блять? Компенсации? Это, по-твоему, я виноват, что у нее жопа не разработана, да? Кого ты во мне надыбал, лоха что ли? Купи своим шлюхам дилдо, чтоб очко в свободное время разрабатывали, тогда, глядишь, не порвется. И больше не беспокой людей по пустякам, понял-нет?

— Слышь, ты чё грубишь, а? Вы покалечили мою сотрудницу, и за это придется заплатить, иначе мы будем разговаривать по-другому.

— Сотрудницу, — передразнил его Кузен. — Ты мне угрожаешь, бизнесмен хуев? Да? Ты нихуя не перепутал, сутенёр ебучий, а? Пошел ты на хуй. Слышишь меня? На хуй. Вместе со своей компенсацией и сотрудницей, олень, бля!

Несколько секунд из трубки доносилось лишь злобное сопение, затем незнакомец прошипел:

— Вам пизда, мрази!

И отключился.

Кузен хмыкнул и отдал телефон Чемею.

— Чё он сказал? — спросил приятель.

— Что нам пизда, братан, — ответил Славка, беря в руки кубики.

«Что ж. Что сделано, то сделано», — подумал Кузен, раскатывая кубики по полю.

Шестерка и единица — отличный зар.

Славка подмигнул Чемею, делая глоток чая, затем переместил фишку с длинной «головы» в противоположный угол поля и прикрыл ее второй фишкой, снятой с «короткой» головы. Он нисколько не переживал. О чем тут переживать? Ход сделан. Если на него попрут, он будет стоять на своем до талого.

Протасу пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоиться. Взять себя в руки помогла лишь вторая кряду сигарета. Какое-то время он просто сидел в машине, уставившись в одну точку. Думал. И не заметил, как сигарета истлела до фильтра.

Итог неутешительный. Вчера клиент поиздевался над его «сотрудницей». Завтра перестанет платить, а послезавтра придут отжимать бизнес. Таков закон. Либо с тобой считаются, либо используют, как хренов контрацептив. Нужно ответить. Быстро. Жёстко. Как? Проблема в том, что за Протасом никто не стоит. Нет фигуры, чей авторитет на корню может поставить точку в вопросе. Придется действовать самому.

От этой мысли Гоша скривился.

Разве не этого он добивался, когда продумывал собственную схему? Быть самостоятельным. Самодостаточным. Управлять собственным бизнесом и ни с кем не делиться. Теперь отступать поздно, а прикрыться нечем. Никто не впряжется за человека, который, во-первых, промышляет сутенерством, а во-вторых, годами не платит в общак. В этом деле могли бы помочь менты, но у Протаса нет связей с начальством. Так, одни мелкие сошки. Заводить знакомство с большими погонами Гоша не рискнул — а вдруг поймут, что бизнес слишком хорош, и отожмут? К братве не пошел по другой причине — это грязные деньги. Протас ничего грязного в этом не видел, но «синих» не переубедишь — они слишком отстали от жизни со своими понятиями. Живут только прошлым.

Единственный реальный вариант — это уголовники новой формации. Наполовину бизнесмены, наполовину преступники. Но они отморожены на всю башку, и Протас опасался, что тоже, как и менты, наложат лапы на его схему.

Гоша вздохнул и откинулся на спинку сиденья. На самом деле есть ещё один вариант — нанять исполнителя. Такого, который сможет надавить, а если оппоненты не дадут заднюю и

останутся стоять на своем, получат с них здоровьем. Но, это дорого. И среди знакомых Протаса таких исполнителей нет.

Или есть? Нужно подумать.

Глава 12. Просто не будет. Вечер того же дня

Когда жена с детьми уснула, Матвей с кружкой чая вышел на балкон. Присел на стул и задумался. Для кого как, а для него голубь — это птица из мира мертвых. Он не сомневается, что получил послание от бабушки. Раз ее душа еще здесь, значит, нужно готовиться к чему-то серьезному. У него есть клыки и когти. Он предупрежден, а значит, врасплох его не застанут. Что ещё можно сделать? Секач знает ответ, но боится. Боится, что не получится.

Возможно, пришло время попробовать.

Матвей поставил кружку на подоконник и сконцентрировался. Волны тепла накопленной в его теле энергии молитв начали приятно растекаться по телу. Усилием воли он заставил пространство перед собой слегка колыхнуться. Ничего мерцающего или сияющего. Просто едва заметная пульсирующая аномалия овальной формы. Как будто в этом месте воздух чуть плотнее. Портал слегка задрожал и нагрелся. Секач дотронулся до него рукой и почувствовал лёгкое покалывание на коже. Почувствовал тепло, медленно расплзающееся от ладони к плечу. Четко ощущается пульсация дрожащей материи.

Матвей посмотрел на часы.

22:17:35...

Тридцать шесть... тридцать семь... тридцать восемь — отсчитывала секундная стрелка часов. Матвей набрал полную грудь воздуха, посмотрел через разрыв материи в противоположный угол балкона — до него метра два с половиной. Когда секундная стрелка достигла отметки в сорок пять секунд, Секач шагнул в портал и очутился на другом конце балкона.

Сорок шесть... сорок семь... сорок восемь — отсчитывала секундная стрелка часов.

Матвей улыбнулся. Оказывается, ничего сложного. Теперь нужно попробовать переместиться в более отдаленную точку. Но позже. Сейчас он слишком взволнован, ему хочется выть от восторга. Его переполняет целый коктейль очень ярких и неопишуемых эмоций. Нет, в таком состоянии нельзя проводить эксперимент. Лучше успокоиться и попробовать провернуть этот трюк позже на холодную голову.

На улице стемнело.

Алина переступила порог вслед за Викой и очутилась в небольшой прихожей. Слева от нее на стене вешалка для верхней одежды. Практически пустая, если не считать пару лёгких курток и темно серое пальто с пуговицами диаметром сантиметра три. Не меньше. Алина с интересом поглядела на вещицу.

— Бабушке купила, — пояснила подруга, бросая клатч на невысокую тумбочку. — Пойдем.

Вслед за подругой Алина свернула в первую комнату слева и чуть не запнулась об огромного плюшевого медведя.

— Милый, правда? — спросила с улыбкой подруга.

Подняла игрушку и прижала к себе, затем положила ее на кровать.

— Его зовут Гоги. Гоша подарил на день рождения. Ты садись, Алин. Я сейчас вино принесу.

Девушка хотела возразить, но подруга уже успела покинуть комнату. Алина присела на мягкий пуф у туалетного столика и огляделась. У Вики тут порядок далеко не идеальный. Трусики и бюстгалтеры, конечно, по комнате не разбросаны, но... шкаф распахнут, а на его дверях висит куча вещей, в углу какие-то черные полусапожки, пара плечиков валяется прямо на кровати, которая, к слову, толком не заправлена — так... прикрыта покрывалом. На столе чего только нет: чашка с застывшей кофейной гущей на дне, несколько мелких купюр, тут же блюдце с чайной ложкой и бижутерия, резинки для волос, заколки и... дневник? С ума сойти, Вика ведёт дневник?

Алина подумала, что мать ни за что бы не выпустила ее из дома, пока порядок в комнате не наведён. Но Вика живёт с бабушкой. Тут, видимо, другие порядки.

Пока девушка рассматривала комнату, подруга вернулась с бутылкой вина и парой бокалов.

— Ой, я не буду. Меня мама убьет, — попробовала возразить Алина.

— Оно лёгкое. Не опьянеешь. И очень вкусное. Держи. Попробуй, — произнесла Вика, протягивая госте бокал.

Алина пригубила. Ммм... сладкое. И вкусное. Как компот.

— Гоша спрашивал о тебе, — произнесла с таинственной улыбкой Вика, забравшись на кровать с ногами.

— Да? — Алина почувствовала, что краснеет.

— Да. Наводил справки. Интересовался, есть ли у тебя парень.

— И что ты ответила ему?

Вика пожала плечами, делая глоток.

— Правду. Что тебя не интересуют сверстники, они слишком скучные. К тому же, пьянь и нищелюбы. Ведь это правда?

— Ну... да. А где бабушка? — Алина попробовала сменить тему.

— Спит уже, — отмахнулась Вика. — Хочешь, я вас поближе познакомлю?

— С бабушкой?

— С Игорем, дурочка, — захихикала подружка.

Алина смутилась. По правде сказать, ей хотелось, но мучали сомнения. Одолевал добрый десяток всевозможных страхов. Как отреагирует мама? Про брата даже вопрос не стоит, он свое мнение уже выразил ей наперед. Что скажут люди? Это вообще нормально, встречаться с

человеком, который годится в отцы? И каким боком тут Вика? Ей все равно? Алине вот не все равно. Она считает себя собственницей. Насколько, в конце концов, это может далеко зайти? К тому же, говорят, Игорь бандит.

Алина ничего не ответила подруге. Сказала, что уже слишком поздно, ей надо идти, а то мать потеряет. И брат достанет со своими вопросами. Поблагодарила подругу за вино и пошла на выход. Вика возражать не стала и проводила гостью до дверей. На крыльце девушки расцеловались, и Алина пошла домой. Облокотившись о перила, Вика смотрела в спину удаляющейся подруге.

Никто не говорил, что будет просто.

Глава 13. Первые шаги. 14.05, среда. День седьмой

Кузен проснулся ближе к десяти утра. Минут пятнадцать просто лежал, закинув руки за голову, и смотрел в потолок, прокручивая в голове разговор с сутенером. Проблем бы не было, будь он со шлюхой помягче. Но... он давно не спал с женщиной. И одурел. Едва не придушил ее. А анальный секс... Просто лагерная привычка. Скажи ему раньше, что, выйдя на свободу, он возьмёт женщину, как... петуха, и он бы рассмеялся. Однако традиционным способом не получилось. Член не встал. А кто бы не озверел в этой ситуации?

Теперь его терзают некоторые опасения, если быть честным. Но они не связаны с сутенером. Как раз этот хмырь его мало беспокоит. Что действительно вызывает беспокойство, так это дальнейшая сексуальная жизнь. Хотелось бы знать, в будущем всегда придется применять насилие и брать женщин в задний проход?

После нескольких минут размышлений Кузен пришел к выводу, что гадать бесполезно — со временем и сам все поймет. Практика покажет. Он поднялся с кровати, заправил постель и отправился умываться. Затем вышел на кухню, чтобы сварить чай. У него есть правило, которого старательно придерживается на протяжении последнего десятка лет — первая сигарета прикуривается вместе с первым глотком чая. Этой привычке он следовал даже на «киче» (в штрафном изоляторе), хотя там были определенные сложности. Справедливости ради нужно отметить, что под «крышу» (в штрафной изолятор) Кузен заплывал нечасто. Если быть более точным, один раз и то в самом начале срока.

Убрав с плиты «хозяйку», — кружку из авиационного алюминия объемом четыреста миллилитров — Кузен опёрся задницей о стол и размял шею. Послышались шаги, и на кухню вошёл Чемей. Приятели поздоровались за руку и расселись за столом. Славка поболтал чай в кружке, глядя, как опускается шапка, образуя на поверхности напитка пенку янтарного цвета. Затем килишнул и разлил по кружкам. Одну передал корешу. Чемей поблагодарил.

Закурили.

— Что будем делать, братан? — спросил Леха о наболевшем.

Кузен пожал плечами. А что им ещё остаётся?

— Будем действовать. Нужно взять инициативу в свои руки, выражаясь языком военных.

— Ебать, ну и словечки у тебя, — хмыкнул Чемей. — А если попроще?

— Нам нужно выследить сутенера и решить, где, когда и как нанести первый удар. Пока он не ударил первым.

Чемей покачал головой. Нихера себе задачка. С понтом, он тут сыщик. Проще сказать, чем сделать.

— С трудом представляю, как мы все это обтяпаем, братан.

Кузен затянулся дымом и откинулся на спинку стула. Поиграл желваками.

— Я думал об этом. Нам нужен транспорт. И адрес сутенера. Ты знаешь, где он живёт?

— Неа. Откуда, братан? — развел руками кореш. — Да и транспорта у нас нет.
— Знаю, братан. Купим.
— Купим? На какие шиши, бля?
— Кредитка есть?
— Да.
— Дом в чей собственности?
— Мой.
— Тогда не варик.
— Что ты имеешь в виду?
— Можно с кредитки оплатить мопед, к примеру. Взять с рук, так гораздо дешевле. Не пешком же нам за ним бегать.
— И как мы закроем долг?
— Выбьем деньги с сутенера. Но, это может затянуться хуй знает насколько. Поэтому тебе в кредит влезать не вариант. Не хватало ещё дом потерять. Я на себя оформлю кредитную карту. С большим лимитом и длительным льготным периодом. У меня нет нихера за душой. Если не получится вовремя закрыть платеж по кредитке — и хер с ней. Кредитная история меня мало волнует. Но, я думаю, что все получится. Деньги намутим. Не с сутенёра, так с кого другого.

Чемей кивнул.

— Должно выгореть.
— По-любасу.
— На крайняк с зарплаты рассчитаюсь.
— Там посмотрим. Начинай подыскивать в инете мопед, питбайк или скутер. А я погуглю банковские продукты. Посмотрю, что предлагают банки. И надо поспрашивать людей, братан. Может, кто знает, где этот тип живёт. Хотя бы район проживания установить. Проще будет. Кстати, смотри, чтобы транспорт с шлемом продавали. Так меньше внимания со стороны мусоров — прав-то у меня нет.

Матвей открыл калитку двора и первым делом зашел в дом. Прошел на кухню, взял кружки, сахар и направился в мастерскую. Затем набрал воды в чайник и поставил греться. Пока вода закипала, осмотрел комод. Крыша продуктивно поработал. Секач провел рукой по зачищенной поверхности, убедился, что все зашкурено. Осталось покрыть лаковой морилкой.

Вода вскипела, и чайник отключился. Матвей залил пакетик чая кипятком и огляделся — в мастерской идеальный порядок, можно приступать к лакокрасочным работам. Попьет чай и приступит. Взял в руки кружку, и тут его накрыл мощный приход.

«О-о-ох, ссу-у-у-ка», — выдохнул Матвей.

Кажется, у наркоманов это называют тягой.

Зрачки двоедушника расширились, ноздри раздулись. Он почувствовал, как Людмила Аркадьевна сливает кровь жертвенного петуха прямо на алтарь, выпрямился, изогнулся в спине, едва не ошпарив кисть горячим чаем, и задрал голову к потолку. Захотелось завывать,

набрать воздуха полные лёгкие и оглушительным воем дать понять всем, кто в этом городе стоит на вершине пищевой цепочки.

Но, сдержался.

Матвей выдохнул и поставил кружку с чаем на верстак — пока не до чаепитий. Нужно завершить эксперимент, начатый вчера вечером на балконе. Когда, если не сейчас, пока жертвенная энергия переполняет все его двоедушное естество!

Секач вышел на задний двор. Стоя посреди спортуголка, он окинул территорию взглядом — сотки три, не больше. Этого хватит. Раньше бабушка тут садила картошку. Теперь же земля пустует. Матвей не стал ее засаживать, а лишь вспахал мотоблоком пару недель назад, чтобы не заросло. Периметр территории огораживает двухметровый сплошной забор из профлиста, который надёжно укроет от посторонних глаз.

Да. Идеально.

Матвей сконцентрировался. Перед глазами возник знакомый портал, сквозь который отчётливо проявился силуэт Людмилы Аркадьевны. Пока не четко, но явно. Пал Палыча рядом с ней нет. Женщина стоит возле деревянного и окропленного минуту назад кровью идола, вырезанного Семёном, общипывает жертву.

«Нужно докупить ей кур» — мелькнуло в голове Матвея.

Сейчас прыгнуть к ней Секач не рискнёт. Нет. Будет практиковаться не спеша, каждый раз расширяя горизонты. А пока он сузил угол зрения и наметил взглядом участок в дальнем углу территории у самого забора. Шумно выдохнул, сделал шаг и едва не впечатался лицом в забор.

«Ссука», — Секач стоял практически вплотную к забору и с восторгом рассматривал профлист. — «Ссука. Ахереть».

— Братан, ты чё там делаешь? Поссать решил? — услышал он голос Крыши.

Матвей обернулся и заметил выглядывающую из мастерской голову друга.

— Да так. Думаю, может тут ворота сделать, чтобы не таскать мебель через двор. Сечешь?

— Дельная мысль, Матуха. Чё, уже чай сварил?

Секач кивнул и пошел по пашне в сторону столярки. Он бы чувствовал себя богом, если бы не слабость в ногах и лёгкое головокружение. Подобные фокусы отнимают слишком много сил.

Глава 14. О картах и мопедах. 15.05, четверг. День восьмой

Как оказалось, не все так просто.

Встав с утра пораньше и проводив мать на работу, Кузен позавтракал и начал изучать банковские предложения с кружкой чая в руках. Зашёл на сайт одного банка, почитал, перешёл на другой. Ближе к обеду в душе зародились сомнения. А получится ли?

Кредитная карта без ограничений — всего лишь маркетинговый ход. Ограничения были, правда, для большинства граждан пустячные. Но не для Кузена. Практически все банки выдают кредитки лишь лицам со стабильным ежемесячным доходом и стажем работы не менее трёх месяцев. Чемею бы выдали без проблем — последние десять месяцев кореш работает в коп-тильном цехе. Сутки через трое. Две смены в неделю. За каждый выход получает на руки семь тысяч. Хорошая работа. Кузен не прочь и сам так поработать, но Чемей говорит, что сейчас в цехе вакансий нет.

— Давай я наебну твоего напарника. Сломаю битой ногу. Пусть лечится, а я устроюсь вместо него, — предложил вчера Кузен.

Предложение кореша вызвало у Чемея улыбку, но пришлось отказаться. Напарник — мужик хороший. С тремя детьми. Это, во-первых. А во-вторых:

— Кто тогда за сутенером следить будет, если мы оба начнем работать, братан? Давай подождем малеха. Уверен, вскоре че-нить подвернётся.

Да, Чемею бы кредитку дали. Но приятелю в долги влезать нельзя. Могут дом отобрать.

К двум часам дня Кузен все же нашел подходящее предложение. Льготный период сто девятнадцать дней.

«Ссука, а почему не сто двадцать?»

О стаже ни слова. Главные условия: наличие российского гражданства и регистрация в районе кредитования. И да, обслуживание карты платное — сотка рублей в месяц, — но с этим они как-нибудь справятся.

Кузен оставил заявку на сайте банка и отправился на балкон покурить.

Вечером кредитная карта была на руках. С лимитом в сорок тысяч рублей. Не густо, но этого должно хватить на покупку транспорта. А затем начнется слежка.

Поскольку Чемей заступил на сутки, Кузен остался дома. Работы у приятеля хватало, но тот все же нашел время покопаться в объявлениях, после чего позвонил Славке.

— Как дела, братан?

— Ништяк. Карту получил, правда за обслуживание сотку в месяц придется платить.

— Хуйня делов. У меня тоже кое что есть — мопед Hons Alpha, 2014 года выпуска. Шестнадцать косарей. На трассе на нем за «мерином» не угнаться, но по городу, где полно светофоров, вполне реально. Как тебе такой вариант?

Кузен посчитал, что вполне приемлемо.

— Сбрось ссылку, братуха.

Чемей сбросил и отправился работать, а Кузен начал изучать мопед. Не то чтобы он специалист, но... отзывы пользователей не помешает почитать.

В технические характеристики углубляться не стал. Объем двигателя и количество лошадиных сил ему мало о чем могут сказать. Куда важнее мнение людей. Немалое число пользователей отметили, что агрегат прёт как танк. Довольно мощный, разгоняется под сотку. Кузен удивился. Может, врут? Он и не рассчитывал, что мопед настолько шустрый. При этом топлива жрет на сотню километров всего три литра. Вообще красота. Еще одна хорошая новость — двигатель надёжный, а с другими запчастями проблем нет. Их полно, причем недорогие. Это хорошо, но лучше бы вообще не ломался. Увы, но говорят, что этот мопед довольно часто ломается. По мелочам. Это огорчало. У многих возникли проблемы со свечей, к примеру. Причем, большая часть мотолюбителей не склонна причислять это к недостаткам. Мол, заменил да поехал. В отличие от них Кузен вот нихера не механик. Также некоторые люди отметили жёсткие задние амортизаторы. Но это ладно, как-нибудь переживет.

Потратив часа два на чтение отзывов, Кузен пришел к выводу, что надо сходить и посмотреть.

— А чё мы там будем смотреть? — спросил Чемей, когда Кузен позвонил и попросил кореша забить встречу с владельцем мопеда. — Я в технике нихера не петрю. Как и ты, полагаю. Будем ходить с умными моськами и делать вид, что разбираемся?

— Нет. Проверим, на ходу ли. А то знаешь, как бывает: мол, в рабочем состоянии, надо лишь проводку поменять. Так что придем, заведем, малость прокатимся. Если все ништяк — купим.

Обе двери открыли нараспашку, чтобы проветрить мастерскую после лакокрасочных работ. Налили чай и устроились за столом, посматривая на комод.

— Завтра с утра сфоткаю и выложу на сайт, — решил Матвей.

— Почем толкнем его, Матуха?

— Пока не знаю, Вов, считать надо. Бухгалтер посчитает, как только детей накормит.

Крыша расхохотался. Матвей тоже улыбнулся. Пора жену к работе подключать, пока не забыла, как калькулятором пользоваться.

Вообще-то, это их первая крупная поделка. Комод — это не стулья да табуретки, которыми они до этого промышляли последние два месяца. Руку набивали, так сказать.

— Тебе бы телефон другой, братуха. С камерой покруче.

— А лучше профессиональный фотоаппарат, да? Хотя... знаешь, ты прав. Можно попросить Марину. У нее телефон дорогой, стоит как крыло от самолёта. Наверняка камера там покруче.

Вечером за ужином Матвей спросил:

— Мариш, посчитаешь стоимость комода?

— Конечно, милый. Опись работ и список с перечнем затраченных материалов составил?

— Э... нет. Щас, Крыше позвоню.

Крыша мало что сообщил. Сказал, что одних расходников ушло на тысяч семь. И то, это приблизительно. Пришлось лезть в интернет, искать калькуляторы реставрации, читать посты знающих людей.

Глава 15. И людям, и технике свойственно ломаться. 16.05, пятница. День девятый

Продавец mopеда, молодой человек по имени Семён, встретил потенциальных покупателей с улыбкой, которая тут же исчезла, когда Кузен сел перед mopедом на корточки и достал четки. Чемей молча закурил.

— Говорят, ломается часто, — поигрывая четками, произнес Кузен.

— Ну... я год на нем ездил. Ломалась только ведущая звёздочка. Поменял, и больше никаких проблем, — ответил Семён.

— Тогда почему продаешь?

— Другой хочу взять. Помощнее. С движком на сто тридцать кубиков.

— А у этого сколько?

— Сто десять.

— Ясно.

— Цепь я тоже поменял. Заводская очень мягкая. Того и гляди, порвется. Так что... нареканий в общем-то не было. Единственное, вот эти вот все крышки над мотором. Они пластиковые. Могут поломаться, если по кочкам гонять.

— Хорошо, — Кузен выпрямился. — Покажи, как им пользоваться.

Семён оживился. Мужики, похоже, не особо опытные. Есть, чему поучить.

— А тут все просто. Ребенок справится. Открываете краник вот тут. Видите? Затем включаете зажигание. Закрываете заслонку. Заводите с кикстартера, — Семён топнул ногой по заводной лапке, и двигатель mopеда затарахтел. — Подгазовываете и держите на спидометре две с половиной тыщи оборотов. Как только обороты начинают падать, открываете заслонку. Смотрите, — парень ткнул пальцем в спидометр. — Видите? Мопед держит полторы тысячи. Значит, норм. Можно ехать. Сейчас «Альфа» на нейтралке. Выжимаете рычаг сцепления, и с помощью педали включаете первую скорость. Прокатимся? На ходу покажу, как переключать скорости.

Кузен кивнул и пристроился на сиденье позади Семёна.

После того, как прокатились вокруг квартала, Славка перевел с кредитки на карту продавца положенную сумму.

Домой возвращались на mopеде. За руль сел Чемей — у него, в отличие от Кузена, права уже есть.

Протас никогда не спешил. Он считает, что излишняя спешка может повредить, поэтому всегда принимает решения взвешенно. И сейчас он тоже не будет торопить события. Пусть проблема выстоится и обретет четкие контуры. И только после этого решит, как поступить. Сейчас, откровенно говоря, он абсолютно не видит сколь-либо стоящего решения. Ясно лишь одно — необходимо наказать недоносков, иначе поползут слухи, что Гоша размяк. Вопрос только, как?

Об этом и надо подумать.

Протас любит думать. Он не прочь применить силу, но считает, что умственное решение проблемы — это проявление истинного искусства. Настоящего. Чтобы избить кого-то, нужно куда-то ехать, отслеживать, тратить силы, время и нервы. А для тщательного обдумывания достаточно уединиться дома и в тишине поразмышлять.

Сейчас у Гоши не одна, а две проблемы. Первая — извращенцы, вторая — недостаток рабочего персонала. Помимо Вики и Светы на него работают ещё две девочки. Динара — очень смазливая татарка с плоской грудью, но спортивной задницей. С ее помощью он подцепил на крючок главу Дорожно-строительного управления города и, по совместительству, руководителя местной азербайджанской диаспоры. У Гоши хватило ума не бить главного городского дорожника — таким людям морду не бьют. С ними заключают сделку. Поэтому Протас попробовал договориться, хотя прекрасно понимал, что будет сложно. На возраст девушки развратнику откровенно плевать — там совсем другие взгляды на женщин. На мнение жены и подавно насрать — вряд ли она вообще посмеет рот открыть. А вот выход скандала в публичную сферу мог на корню перекрыть возможность получения контрактов. Оба это понимали и довольно быстро нашли общий язык. Теперь чиновник пользуется Динарой, когда захочет, а Игорю отстегивает определенный процент с каждого тендера. Из этой суммы Игорь выплачивает долю Динаре.

То есть, эта девушка теперь на постоянной работе, условно выражаясь. И тут есть над чем подумать. Ее хахалю уже за полтинник — не самый резвый возраст для любовных утех. К тому же у него семья, куча детей и мало свободного времени. Динару он трахает пару раз в месяц. Все остальное время девчонка прохлаждается. В принципе, ее можно привлекать к другой работе почаще. И это обнадёживает. С другой стороны, если с ней что-то случится, Протас потеряет постоянный доход от доли в дорожно-строительном деле.

Со второй девушкой, Ирой, дела обстоят ещё хуже — она стоит на учёте в полиции. Тупая нимфоманка пару недель назад напилась до усрачки и устроила оргию прямо в парке возле памятника Неизвестному солдату. Теперь дуре запрещено покидать дом с десяти вечера до шести утра.

Протас вышел из дома во двор и расположился в кресле с бокалом коньяка. Он не из тех, кто пьет благородные напитки залпом. Он любит смаковать, чувствовать как напиток обжигает язык и медленно разгоняет кровь по телу.

Гоша сделал глоток и с наслаждением откинулся на спинку кресла, вытягивая ноги.

Атмосферу безмятежности прервал телефонный звонок. Протас посмотрел на экран — Вика.

«А этой кобыле чё ещё надо?»

— Да.

— Гоша, приветик! Это Вика.

«Дура, бля. С понтом я не вижу, кто звонит».

— Я в курсе. Что-то случилось?

— Нет-нет. Я насчёт Алины. Она колеблется. Я подумала, может, вам стоит встретиться? Я организую встречу, ты очаруешь ее. Как тогда очаровал меня, — хихикнула девчонка.

Протас ухмыльнулся. Очаровал. Напоил, сунул пачку денег ей в лифчик, потом отвёз к себе и отодрал во все щели. Пиздец, как романтично получилось.

— Я уже выпил, сегодня никуда не поеду.

— Ок. Тогда на днях?

— Договорились. Пока.

— Пока-пока.

Протас отключился и подумал, что Алину будет тяжелее уболтать. Впрочем, деньги творят чудеса. Поломается для приличия, как без этого. Но, в конечном итоге, согласится. В этом Протас не сомневается.

Девять дней прошли скромно. Матвей застолья не любил, а поминки — это не застолье, а необходимость. Теща сварила кутью и приготовила блины с медом. Людмила Аркадьевна принесла большую кастрюлю с куриной лапшой. Секач заранее закупил конфет и печенья, достал из погреба компот. Пришли Пал Палыч, Крыша с Ольгой, Сергей Лаврентич и ещё кое-кто из соседа. Имена некоторых Матвей даже не знает.

Под тихие разговоры за столом он пил вместе со всеми водку, не чокаясь, и не пьянел.

Глава 16. У каждого своя работа.

17.05, суббота. День десятый

В девять утра Кузен завел мопед и двинулся в сторону Нового поселка — именно там, по словам Чемя, успевшего навести справки, живёт сутенёр.

Отдохнул, и будет. Пора работать. Для кого-то слежка — это не работа, но Кузен смотрел на все это иначе. С сутенера он рассчитывает получить деньгами. Каждый зарабатывает как может, верно? Он еще не решил, как выбьет деньги с недоумка, но скоро обязательно придумает.

На въезде в поселок дорога расходится по трем направлениям, образуя своего рода трезубец. Кузен остановился. Вытащил из внутреннего кармана бомбера телефон и посмотрел на время — половина десятого.

«Ништяк».

Осмотрелся и решил сначала проехать по главной улице, затем прокатиться по боковым. А вдруг повезет, и он заметит черный «мерин» в одном из дворов.

Китайский мопед в этом микрорайоне — гость редкий. Кузен медленно колесил и с интересом рассматривал особняки вдоль дороги. Видимо, застройка здесь проводилась согласно определенному плану — все заборы первой линии, отделяющие таунхаусы и частные двухэтажные дома от проезжей части, сплошь однотипные. Кованные, секции разделены невысокими кирпичными колоннами. Да и сами здания построены по единому дизайну.

Кузен рассчитывал, что невысокие заборы позволят ему отыскать машину сутенёра, но, увы. Не повезло. Либо тот уже уехал, либо тачка стоит в гараже.

Проехав поселок вдоль и поперек, Кузен остановился на выезде и почесал затылок. Чё дальше? Тут есть остановка, можно перекантоваться на ней, к примеру.

Так и сделал. Припарковал мопед, сел на лавочку и закурил. После второй сигареты решил все же не мозолить глаза местным. Кстати, камеры. Тут ведётся видеонаблюдение? Почему-то об этом он даже не подумал.

«Почему-то», — хмыкнул про себя Кузен. С понтом он частный детектив.

Повертел головой по сторонам, но ничего не обнаружил. Если камеры стоят, то скрытно.

Проторчав на остановке минут двадцать, он покинул микрорайон. На обочине дороги, ведущей к Новостройкам, остановился. И че? Торчать на виду у всех посреди пустыря? Немного подумав, решил поискать позицию для наблюдения на въезде в район Новостройки.

Через пять минут Кузен остановился у небольшого сквера, слез с мопеда и расположился на лавочке. Отсюда дорога из Нового поселка просматривается как на ладони.

«Ништяк».

Пока Матвей вместе с коляской прогуливался по двору, Марина фотографировала комод. Потом вышла из мастерской и показала фотоснимки мужу. Секач остался доволен. Он и не сомневался, что жена справится с фотосессией лучше него.

Осталось выложить фотографии на доску объявлений. Попьет чай и займётся этим.

Двоедушник передал детей жене и скрылся в доме. Вскоре подъехал Крыша.

— Чем сегодня займёшься, Матуха? Сундуком?

— Да, — ответил Матвей, расставляя кружки на столе.

— Слушай, помнишь я тебе рассказывал о бабке, почившей в бозе?

Секач кивнул, разливая чай.

— Так вот, я думаю забрать весь хлам оттуда. Меня заинтересовали буфет и четыре стула со столом, но, в принципе, со шкафами, на мой взгляд, тоже стоит поработать.

— Отлично, — ответил Матвей. — Вот и работёнка для Почтальона.

— Это тот молодой мальчишка, который приходил на собеседование? — спросила Марина, беря в руки кружка.

— Да, — ответил Секач, пододвигая к Крыше сахар, а к себе зефир.

— Почему Почтальон? Ай. Горячий ещё, — Марина поставила кружку на стол.

Секач пожал плечами. Крыша тоже.

— Придет, спрошу обязательно, — ответил Матвей. — Вов, позвонишь ему?

— Конечно, Матуха. Кстати, ребята, как насчет шашлыков завтра у меня?

— Ой, я не поеду, — заявила девушка. — Родители приедут нянчиться. В другой раз, Вов. Но Матвея забирай. Чтобы под ногами не путался, пока я уборкой занимаюсь.

Звонок застал Федьку на кухне над тарелкой с борщом. Когда на экране смартфона высветился номер работодателя, парень вроде как даже растерялся. Отвечать или нет?

— Ответь, по работе поди, — решила за него мать, ставя чайник на плиту.

Федька вздохнул, вытер руки полотенцем и принял вызов.

— Да.

— Пэтэ, Почтальон! Поработать есть желание? — донёсся голос мордатого.

Поработать желания не было, но деваться некуда.

— А что нужно делать?

— Мебель грузить, епт. Если не передумал, подъезжай в понедельник к десяти утра к дому Матвея.

— Хорошо, буду, — пообещал Федор.

— Адрес не забыл?

— Неа. Помню.

— Отлично. Мы ждём.

И мордатый отключился.

Глава 17. Чуйка. 18.05, воскресенье. День одиннадцатый

Вовка подъехал к дому Секача ближе к трем часам дня. В салоне качал незнакомый трек. Матвей бросил сумку с банными принадлежностями на заднее сиденье автомобиля и забрался в салон. Глянул на дисплей и ни черта не разглядел — набор каких-то букв и цифр.

— Кто играет?

— «4К», братан. 2017 года трек, называется «Дельно».

Понятно.

Матвей пристегнул ремень безопасности и вытянул ноги.

В воскресный день машин на дороге хватало, но пробок не было, и приятели довольно быстро выбрались за городскую черту. Секач чуть приоткрыл окно и с наслаждением подставил лицо под встречный поток прохладного чистого воздуха.

Крыша закурил, и Матвей стрельнул сигарету. В последнее время он курит не часто, но и это многовато. Дурацкая привычка курить за компанию.

По дороге Вовка предложил взять Матвею пиво. Секач отказался. Спасибо, но хватило поминок. В тот день водки он выжрал изрядно и твердо решил до сорока дней не притрагиваться к алкоголю. Только чай и квас.

Вовка свернул с трассы налево, и «десятка», подпрыгивая на ухабах, вползла в деревню. Миновав водонапорную башню, припарковались прямо у ворот.

Усадьба «Под Крышей», — прочитал Матвей табличку рядом с калиткой и глянул на кента.

Лицо Вовки расплылось в улыбке.

— Ништяк, да, братуха? Сам придумал.

Секач хмыкнул, забрал из салона сумку и прошел во двор. Ольга уже была здесь и помогала Галине Павловне. Петр Ильич разжигал мангал. С хоздвора по-прежнему доносились хрюканье и крик — с хозяйством семейство Крашенинниковых расставаться не спешило. Ну а чего спешить, раз глава семьи встал на ноги.

— Баня готова. Можете идти греться, — обрадовала Галина Павловна.

Первые минут пятнадцать просто сидели на полке, плеская воду на каменку. Ждали, пока прутья берёзового веника размякнут в кипятке. Потом Крыша парил Матвею, после чего парился сам. Чуть позже, сидя в предбаннике и потягивая из пивной кружки квас, Вовка спросил:

— Ты какой-то смурной, Матуха. Что-то произошло?

Матвей пожал плечами и поставил свою кружку на столик.

— Да не. Просто, дурное предчувствие, братан. Что-то должно произойти.

Чуйке Секача Крыша доверял.

— Есть хоть малейшее представление, касаясь чего?

— Неа, — мотнул головой Матвей. — Ваще без понятия, брат. Ты ни с кем не закусы-
вался?

— Нет, Матуха. А ты?

Секач отрицательно покачал головой и пошел на второй заход.

Короткая джинсовая юбочка, светлое худы и белые кеды. Алина еще раз покрутилась у зеркала, осталась довольной и собралась на выход.

— Юбки подлиннее не нашлось? — спросил появившийся со стороны кухни Федор.

Девушка закатила глаза. Федька оперся левым плечом о косяк, разминая пальцами сигарету.

— Куда собралась?

— Не твое дело.

— Слышь, ты как со старшим братом разговариваешь, кукушка.

Алина показала брату язык, взяла с тумбочки сумочку и вышла из дома.

С Викой пересеклась на улице Трудовая. Взявшись под руки, девушки направились в сторону сквера. По пути болтали обо всем и ни о чем. Затем свернули к кофе-точке, где Вика угостила подругу кофе, и уже после этого приступила к главному:

— Хочешь, я тебя с Гошей познакомлю?

Девушка растерялась. Вика молча ждала, но что могла ответить Алина, если она самой себе не могла дать честный ответ. Подруге и подавно. Последнее время ее раздирали стыд. Стыдно за картины, которые она рисовала в своей голове: как едет на переднем сиденье дорогого автомобиля; как переезжает из своего захудалого поселка в престижный дом; как сильные мужские руки ласкают ее; как ежедневно посещает бьюти-салоны; как ее гардероб наполняется красивыми и дорогими вещами. Стыдно за вопрос, который она постоянно задавала себя: зачем тратить лучшие годы своей молодости на учебу и работу, если можно добиться всего одним простым решением?

— Ну... не знаю. Мне кажется, он немного староват для меня, — вымолвила девушка.

— Я ведь не сватаю тебя, — произнесла Вика. — Он просто хочет познакомиться с тобой. Ты ему приглянулась. Вдруг он предложит тебе работу модели. У него есть связи. Мне пред-

лагал, но пришлось отказаться. Нужно... э... в общем, не важно. А ты... ты через пару недель станешь свободной.

Взяв кофе, девушки не спеша отправились прогуляться по скверу. Вика рассказывала о Гоше. Уверяла, что он взрослый и серьезный мужчина. Задумывается о создании семьи, но проблема в том, что женщины его лет либо замужем, либо нарожали детей. А Гоша не хочет воспитывать чужого ребенка. Вот такой он человек, и его сложно судить за это. Кто знает, может между ним и Алиной промелькнет искра?

— В принципе, мы на этой почве и познакомились. Но... я считаю, что мне ещё рано заводить серьезные отношения. Поэтому мы просто друзья.

Алина сомневалась, что Вика и Гоша просто друзья. Слухи-то разные ходят. С другой стороны, люди сами по себе очень завистливые. Особенно те, кто не добился ничего. Вот и выдумывают всякое.

Слушая Вику, Алина ощущала, как в душе зарождается тревога. И списала ее на обычное волнение, которое всегда присутствует перед... собеседованием, к примеру, или... первым свиданием.

Глава 18. Слабое звено. 19.05, понедельник. День двенадцатый

Кузен сделал некоторые выводы после первого дня слежки и взял с собой небольшой термос с чаем. Кроме того, он занял место в сквере неподалеку от дороги из Нового поселка гораздо раньше по времени. Все же понедельник. А вдруг ублюдку нужно на работу к девяти. Мало ли.

В 8:45 Славка был на месте. Открыл крышку термоса, налил чаю, включил музыку в наушниках и удобно расположился на лавочке.

Через час задница затекла. Пришлось встать и размять ноги. К одиннадцати утра закончился чай, музыка опостылела, а горло саднило от изрядного количества выкуренных сигарет. От скуки напала зевота. Можно позвонить Чемею и попросить составить компанию, но... Во-первых, кореш работает, хоть сегодня и на выходном. Во-вторых, он купил канистру с бензином, греет Кузена сигаретами, платит за карту, а если с сутенером дело не выгорит в ближайшие три-четыре месяца, то покроет долг за мопед. Припрегать кореша к слежке только потому, что одному скучно, Кузен посчитал несправедливым.

Славка не знал, сколько берет частный детектив за работу. Но к двум часам дня уже был на сто процентов уверен, что эта сумма, неважно, какая, абсолютно справедлива. Просто ждать, сидя на жаре, оказалось делом чертовски утомительным. Кузен раз пять порывался бросить все, но каждый раз представлял ухмылку Чемея и оставался на месте.

Хотелось жрать, но оставить пост он не решался. К пяти часам дня желудок свело от голода, и Кузену уже было похер на ухмылку Чемея. Он твердо решил: если черный «мерин» не появится к шести — снимается отсюда, и гори оно все пропадом!

«Мерседес» клиента нарисовался на дороге в 17:25.

Славка вскочил на мопед. Машины шли плотным потоком, и никто не хотел выпускать его на главную дорогу.

«Да куда они все ломятся, черти ебанные, на водопой что ли?» — злился Кузен, глядя в корму удаляющегося «мерина».

Наконец дамочка на Honda Civic притормозила, дав возможность Кузену выехать, и тот рванул за «Мерседесом», даже забыв махнуть женщине рукой в знак благодарности. Благо, на проспекте огромное количество светофоров, «лежачих полицейских» и пешеходных переходов — сутенёр не успел скрыться из вида. Славка следовал в плотном автомобильном потоке за клиентом и очень надеялся, что не упустит его. Потерять сутенёра сейчас было бы пиздец как обидно.

Миновали центр. «Мерседес» въехал в микрорайон Литейка, затем свернул в Рабочий поселок и остановился рядом с кафе.

Кузен припарковался неподалеку и закурил. Из машины вышел коротко стриженный дородный мужик с хмурым лицом, крепко сбитый, но с небольшим животом. Рост выше среднего. В летних светлых брюках свободного кроя и белой рубашке с коротким рукавом. Поставил машину на сигнализацию и направился к летней террасе, где его ждали две молодые девушки. Обоих поцеловал в щёчку.

Кузен внимательно смотрел. Он видел, как сутенёр обращается то к одной, то ко второй девушке. Грудастая брюнетка с пухлыми губами постоянно хихикала. Ее подруга — вероятно ровесница, с темно-русые волосами, подстриженными под удлиненное каре практически до плеч, — часто краснела, а когда смеялась, смущённо прикрывала рот ладонью. В какой-то момент сутенёр наклонился к ней и сказал что-то на ухо, затем погладил ее ладонь своею рукой. Девушка засмузилась, и у Кузена что-то щёлкнуло в голове — вот оно, слабое звено.

Троица разговаривала около часа, приговорив как минимум по три чашки кофе — Кузен особо не считал. Когда сутенёр покинул кафе, Славка не последовал за ним. Нет. Сдался теперь ему этот недоумок. С этого часа он намерен следить за девушкой.

Федька так не уставал ещё ни разу в жизни. Нет он, конечно, работал до этого. Ну... там... на огороде, к примеру. Садил и выкапывал вместе с матерью картошку. Каждый год. Потом перетаскивал ее в мешках в погреб. Но мебель грузить не доводилось.

Мордатый подобрал его у дома рыжебородого в одиннадцатом часу. Приехали в какой-то колхоз, где часа полтора ждали какого-то типа, пока тот не подъехал. Ворота открылись, и началась работа. Сначала загрузили буфет со стульями и отвезли к рыжебородому во двор. Разгрузилась, и обратно. Перевезли шкаф. Потом стол. Затем ещё один шкаф. К пяти часам вечера у Федьки поясница болела так, словно его пинали по почкам.

Когда последнюю мебель разгрузили, мордатый сказал:

— Попьем чай, перетащим мебель под крышу, и можешь быть свободен.

Рыжебородый притащил из дома кружки.

Федька макал чайный пакетик в кипяток и, надо сказать, ему даже это давалось с трудом. Усталость брала свое, и парню абсолютно не хотелось двигаться. Хотелось лечь прямо на лавочке и полежать. Федор очень надеялся, что завтра не будет работы.

Мордатый полез в карман и отсчитал ему два косяря.

— Возможно, завтра надо будем комод отгрузить. Сегодня потенциальный покупатель звонил. Посмотрим. Может, своими силами загрузит, — произнес рыжебородый, и Федьке стоило огромного труда сдержать стон.

Зазвонил телефон. Федор посмотрел на экран — Дэн.

— Да.

— Даров, братан! Ты где?

— Работаю. Чё хотел?

— Да я тут, кароч, мимо летней террасы иду. И знаешь, чё?

— Блять, да рожай уже, некогда мне...

— Кароч, Алина тут с Протасом сидит.

— Чего, бля? — Федька аж подпрыгнул на лавочке.

— Братан, ты в уши долбишься что ли? Алина, грю, с Протасом кофе гоняет. Хихикает сидит рядом с ним.

— Ссука. Ссука, — зашипел Федька. — Я перезвоню.

Федор отключился и вышел из-за стола. Мордатый и рыжебородый недоуменно переглянулись. Набрал номер сестры и позвонил. Алина вызов отклонила.

«Ах ты, сучка», — Федька почувствовал, как закипает.

Набрал повторно. На этот раз сестра ответила:

— Але.

— Ты где? — прошипел брат.

— В кафе с Викой. А что?

— С Викторой, ссука? С Викторой? Ты меня за идиота держишь, Алина, да?

— В смысле, за идиота...

— Слушай сюда, дура. Внимательно слушай. Чтобы я больше тебя с Протасом не видел. Поняла? Ты поняла? — орал Федор. — Не слышу ответа...

В трубке запикало. Отключилась. Федор уставился на экран, и Секачу показалось, что тот готов сейчас со злости разбить телефон о стену.

— Протас... это которого Игорем звать? — спросил Матвей.

Федька удивлённо уставился на Матвея.

— А?

— Протас — это Игорь который?

— Ну... э... Гоша. Он называет себя Гоша Протас.

Секач кивнул.

Глава 19. Ликбез для Протаса

Секач и Протас с первых минут знакомства поняли, что друзьями им не стать. К таким как Гоша Матвей испытывал недоверие. Слишком много суеты и громких слов. В советской армии подобные Протасу становились политруками. В тюрьме политруков не было, и Игорю еще предстояло определиться, кем он будет. Секач, в отличие от него, давно определился. Протас же смотрел на Секача, как на обычного мужика без воровских амбиций. О чем с таким говорить? О бабах и пряниках?

Они познакомились в «осужденке». Привет-пока — на этом их общение и ограничилось. Пока Секач тащил «дорогу», писал курсовки и стряпал карты, Протас рассуждал о Людском, тасуя колоду, слепленную руками Секача.

— Братан, дама малость занозилась, — однажды сказал Протас, показывая покоцанный угол карты.

— Возьми и выправь. Стекло в курке, — ответил Секач, пришивая «лодочку» (продолговатый кисет, образно говоря) к «коню» (канату, сплетенному из нескольких веревок). — Клеем только не забудь покрыть. Я не собираюсь каждый день лепить по колоде. Сечешь?

Протас точить карты не умел, и Матвею в конечном итоге пришлось своими руками править «стос», чем только ухудшил отношение к себе со стороны сокамерника, который искренне считал — если сказал нет, тогда при до талого.

Каждый день Секач хлопотал в хате, Игорь же маялся от безделья, изредка отвечая на малявы от дружков.

«Скорей бы на этап», — писал Гоша одному из своих корешей.

И тюремные боги наконец услышали его. На следующий день «кормушка» открылась, и зычный голос контролёра объявил:

— Серков, Протасов. С вещами на выход.

Оба оказались в одном купе «столыпинского вагона». Бок о бок прошли через Саратовский и Уфимский централ, а затем очутились в транзитной хате на Свердловской пересыльной тюрьме.

Здесь они и познакомились с вором Мгеликой Волчонком.

Ночь выдалась бессонной, и Матвей зевал. Ему бы поспать, но как тут ляжешь, когда жулик в хате. Волчонок вошёл в хату в сопровождении бродяг Сереги Кречета и Лехи Степняка.

Братва заварила чай. Кружка с чифиром пошла по кругу. Начали знакомиться. Мгелика окинул арестантов взглядом.

- Как звать? — спросил он преданно смотрящего на него Протаса.
- Игорь Протас.
- И кто ты по жизни, Игорь Протас? — поинтересовался Волчонок.

Как оказалось, к такому вопросу тюремная жизнь Протаса не подготовила. Одно дело вешать лапшу на уши домочадцам, гордо заявляя: «Я стремящийся». И совсем другое — держать ответ перед вором. С ним такие сказки не прокатят.

Протас поплыл.

- Э... порядочный арестант.

Мгелика Волчонок достал сигарету и закурил.

— Я тоже порядочный арестант, — ответил жулик, выпуская дым. — И Кречет порядочный арестант. Как и Степняк. Между тем по жизни я вор, а Кречет со Степняком бродяги. А кто ты?

Секач сделал два халка и передал кружку соседу. Чифирь малость взбодрил.

— Понимаешь, батя, — продолжал выкручиваться Протас, — мне ещё рано называться бродягой, но и мужиком я назваться не могу. Чувствую, что способен на большее.

— Тогда о чем мы будем говорить, если я не знаю, кто ты? Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре, батя.

— Когда ко мне подошли, мне едва исполнилось двадцать три. Тебе пора разобраться в себе, Протас. А кто ты? — спросил тут же вор молодого шпанюка из Подмоскovie Мишку Воробья.

Воробей и Протас — два сапога пара. До этого дня Миша, как и Игорь, считал себя стремящимся, но тут быстро сообразил, что с вором подобное не пройдет, и махом определился:

- Я мужик, батя.
- И кто такой мужик?
- Э... работяга.

Вор хмыкнул, затем ткнул пальцем в сторону «брони».

— Прямо сейчас по продолу ходит дубак (охранник). Это его работа. Он тоже работяга. Или я ошибаюсь? Кстати, где ты работал?

Матвей подумал, что вору следовало бы спросить у Воробья чё попроще. Где этот щегол мог работать в свои-то девятнадцать? Первый раз устрепался на два года по малолетке. Освободился, побыл на свободе месяца четыре и заехал на взрослый продол.

Секач зевнул.

«Да что ты будешь делать, даже чифирь не помогает».

И вспомнил, как Воробей сам недавно хвастался своим послужным списком. Не далее, чем два дня назад. О работе там ни слова.

— Я вижу тебе скучно, — голос жулика вывел Секача из воспоминаний.

Матвей поднял глаза и встретился взглядом с Волчонком.

— Мне, батя?

— Тебе-тебе, — улыбнулся вор.

— Еще не ложился спать, босота, всю ночь «груза» принимал.

Жулик одобрительно кивнул.

— Похвально, что тут скажешь. Всегда приятно видеть молодежь при делах. Ты бродяга, полагаю?

— Мужик. Я в армии служил.

— И кто такой мужик?

— Тот, кто придерживается Воровского.

— Хм. Разве я не придерживаюсь Воровского? Или Кречет, примеру? Мы, выходит, тоже мужики?

Секач принял кружку от вновь прибывшего с этапа Женьки Смычка, сделал два глотка и передал кружку дальше.

— Неа. Я освобожусь и займусь своими делами. А Кречет — нет. Он здесь при делах, и на свободе будет при делах. Он не придерживается Воровского. Он им живёт. А ты, батя... ты и есть Воровское.

Мгелика какое-то время смотрел на Матвея и ухмылялся.

— Напомни, как тебя зовут?

— Матвей Секач.

Вор кивнул.

— Почему ты не объяснил это своим сокамерникам, Секач?

Матвей пожал плечами, с трудом сдерживая зевок.

— А меня никто об этом не спрашивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.